ISSN 0131—5994

РОВЕСНИК

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА
ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР

№ 12/85
декабрь

12

В НОМЕРЕ:

На первой странице обложки: у памятника советскому воину-освободителю в болгарском городе Пловдиве. Здесь принимают в пионеры юных сентябрят, здесь назначают свидания влюбленные, сюда приходят мамы с колясками и детсадовские группы с воспитательницами. Этот памятник стал символом мирной жизни социалистической Болгарии — вечной памятью о минувшей войне и утверждением незыблемости завоеванного мира.

Фото В. КАРЕВА

МАПУТУ. Здесь по инициативе Ассоциации мозамбикских писателей и преподавателей университета имени Э. Мондлане организованы первые в стране курсы любителей словесности. Среди слушателей рабочие и служащие предприятий столицы. На курсах изучают лучшие произведения национальной поэзии и прозы, творчество писателей, отразивших борьбу мозамбикского народа за независимость и первые шаги в строительстве нового общества.

ПРЕТОРИЯ. Вот так засадить за решетку все черное население Юга Африки (снимок внизу справа) хотели бы правители из Претории. Главарь расистов П. Бота утверждает, что «апартеиду нет альтернативы», что отказаться от политики «раздельного развития рас было бы самоубийством». Расисты мечтают сохранить и бантустаны-резервации, куда насильственно сгоняют чернокожих африканцев, обрекая на голодную смерть, и сегрегацию в области образования, медицины, транспорта и других услуг. Но черные африканцы не хотят мириться с расизмом на родной земле. Демонстрации протеста, забастовки сотрясают всю страну. Их борьбу за ликвидацию апартеида, установление всеобщего избирательного права, за участие африканцев в управлении государством поддерживают все прогрессивные люди мира. Демонстрации и митинги под лозунгом «Долой апартеид!» прошли в США и Австралии, во Франции и ФРГ, в Швеции и Индии, во многих других странах.

ВЕНЕЦИЯ. Габриэлла Кеккини знает английский, французский и немецкий языки и, несмотря на это, не может найти работу в таком городе, как Венеция, где туристский сезон продолжается круглый год. Она говорит: «Безработица — наша внутренняя проблема, но она тесно связана с внешней политикой Италии. Пока не будет положен конец гонке вооружений и росту военных расходов в странах НАТО, нам нечего ждать улучшения нашего положения. Вот почему мы требуем выхода Италии из НАТО, вот почему мы заявляем: «Нет» — американским военным базам на земле нашей родины».

САНТЬЯГО. Чилийский правитель Пиночет вот уже тринадцатый год ведет истребление собственного народа. Как сообщил координатор Чилийской комиссии по правам человека Андрес Домингес, с ноября 1984 года десятки тысяч человек стали жертвами репрессий военно-фашистского режима. Охранкой и ультраправыми террористическими организациями убиты десятки патриотов, сотни похищены и «пропали без вести». Зарегистрировано 350 случаев применения пыток. Кровавый режим Пиночета пользуется благоволением официального Вашингтона, самого генерала там даже называют «защитником демократии». Но не так думают прогрессивные люди США. На снимке — манифестант с плакатом: «Чилийская хунта убивает и в Вашингтоне».

МЕХИКО. На юге США подверглись нападению расистов пять мексиканских рабочих. Двое из них сконча-

лись, трое в тяжелом состоянии в больнице. Преступление совершили члены организации «высшая сила» — своеобразного филиала куклукс-клана, поставившего своей целью терроризировать и убивать латиноамериканцев, живущих в США. На счету этой организации десятки жертв: мексиканцы, приехавшие в США в поисках работы, гаитянцы, парагвайцы, гватемальцы, бежавшие от репрессий профашистских режимов у себя на родине, и многие другие.

МОСКВА. В ряде колледжей США действуют «черные списки», куда внесены произведения мировой классики, запрещенные администрацией этих учебных заведений. Студентам, например, не дозволяется читать «Приключения Гекльберри Финна» и публицистику Марка Твена, «Гроздья гнева» Стейнбека, «Венецианского купца» Шекспира, «Прощай, оружие!» Хемингуэя и ряд других произведений. Об этом было сообщено советским любителям книги на пресс-конференции, состоявшейся во Всесоюзном обществе любителей книги. Советские читатели обратились с письмами к администрации США, в которых призывают защитить мировую литературу от посягательств мракобесов.

ЖЕНЕВА. В вестибюле Женевского университета на доске объявлений аккуратные бумажные квадратики. «Ищу работу. Готов хоть крокодилу в пасть. Знаю иностранные языки. Звоните...», «Кто поможет найти место — согласен на любую работу. Звоните...», «С университетским дипломом оказаться безработным очень легко, и это — конец. Если ты был хоть полгода без места, потом уже никуда не возьмут»,— рассказывает Берт, будущий врач.

В Швейцарии не могут найти работу молодые учителя и агрономы, архитекторы и строители, инженеры и юристы. «Болезнь Западной Европы», по выражению социологов, поразила и Швейцарию.

ЛОНДОН. По договоренности стран — членов Европейского экономического сообщества консервативное правительство Англии приняло решение резко сократить производство молока, что имеет катастрофические последствия для фермеров Западного Уэлса. Многие из них, поверив заверениям правительства тори, обещавшего всяческую поддержку горожанам, которые вложат свои сбережения в покупку ферм и освободят рабочие места в городе, переселились несколько лет назад в Уэлс. Сейчас все эти люди, точно так же как и «коренные» фермеры, оказались банкротами. На снимке: митинг протеста фермеров Западного Уэлса.

БОНН. Улица Виллеммомблер, бюро по трудоустройству. Длинная унылая очередь. В основном ребята и девушки моложе 25 лет. «Мне нужна работа. Я согласен на любую» — так говорит каждый, заполняющий карточку безработного у стола консультанта. В графе «профессия» можно прочесть: «учитель с университетским образованием», «историк, окончил Гейдельбергский университет», «полиграфист», «слесарь»... Социологи отмечают, что с ростом безработицы изменился качественный состав людей, стоящих в очередях на бирже труда: среди них все больше тех, у кого высшее и среднее профессиональное образование. У этих граждан ФРГ нет работы сегодня и нет никакой перспективы найти ее в ближайшие пять-десять лет. Статистика свидетельствует, что за последние пять лет в странах Западной Европы ликвидировано 15 миллионов рабочих мест. Чтобы решить проблему безработицы до конца нашего века, надо на континенте создать десятки миллионов рабочих мест, что при сохранении нынешнего положения в экономике абсолютно нереально. На снимке: безработные музыканты дают концерт на улице Гамбурга, надеясь на щедрость прохожих. «Это лучше, чем просить милостыню,— говорит руководитель ансамбля Ганс Шольц.— Мы все же работаем».

APARTHEID
IS A CRIME
PROTEST IS NOT

HONK
FOR
DIVESTMENT
END

for
sisters

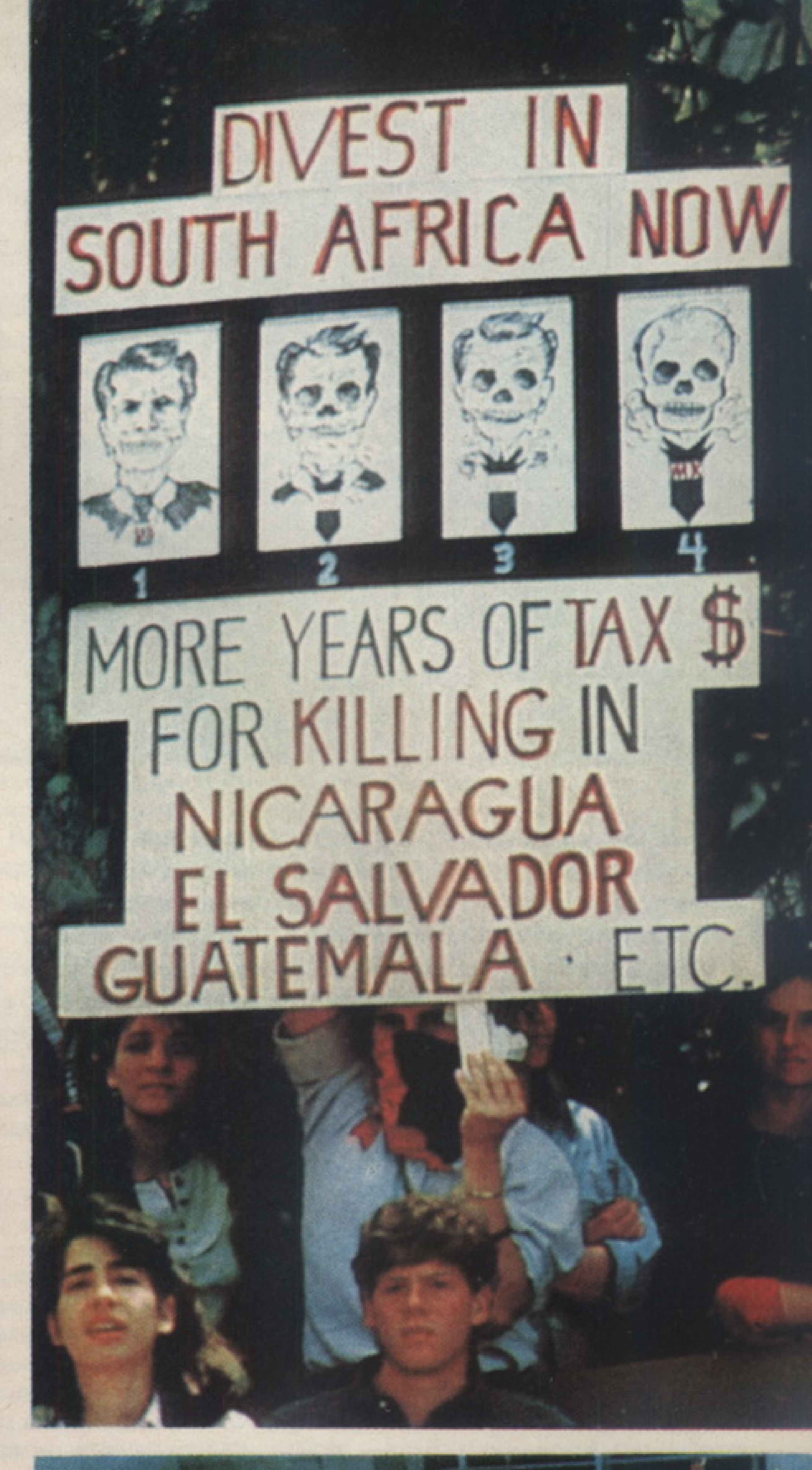

смотрите:

«Покончить с политикой апартеида!», «Человеку — его законные права!» — под такими лозунгами проходят демонстрации и митинги во всех странах мира. Проходят они и в Соединенных Штатах Америки, правящие круги которых активно сотрудничают с ЮАР. Почему же американские студенты и рабочие, белые и черные борются за свободу далекого африканского народа! Почему этим демонстрантам, которых вы видите, читатель, на снимках, небезразлична трагедия Сальвадора, Гватемалы, почему они солидарны с мужественной решимостью никарагуанцев отстоять свою родину от посягательств реакционных сил США! Что заставляет их рисковать собственной свободой, вышагивая в колоннах манифестантов!

«Мы чувствуем ответственность за будущее,— говорят американские студенты, выступающие против всякого сотрудничества США с расистским режимом Претории.— Мы не хотим, чтобы наши дети платили горькой судьбой за наше равнодушие...» «Мы не позволим власть и деньги имущим позорить народ США пособничеством убийцам детей и женщин в Сальвадоре, Гватемале, Никарагуа!» — заявляет прогрессивная молодежь США.

А. МУДРОВ

ЛИНИЯ «МИКРОЗЫ»

А. ПОЛИКОВСКИЙ
Фото Л. ОГАРЕВА

КПСС будет активно участвовать в совместной работе братских партий по согласованию экономической политики, совершенствованию механизма хозяйственного взаимодействия, поискам новых его форм, углублению специализации и кооперирования производства, координации планов, обмену передовым опытом, налаживанию прямых связей между объединениями и предприятиями.

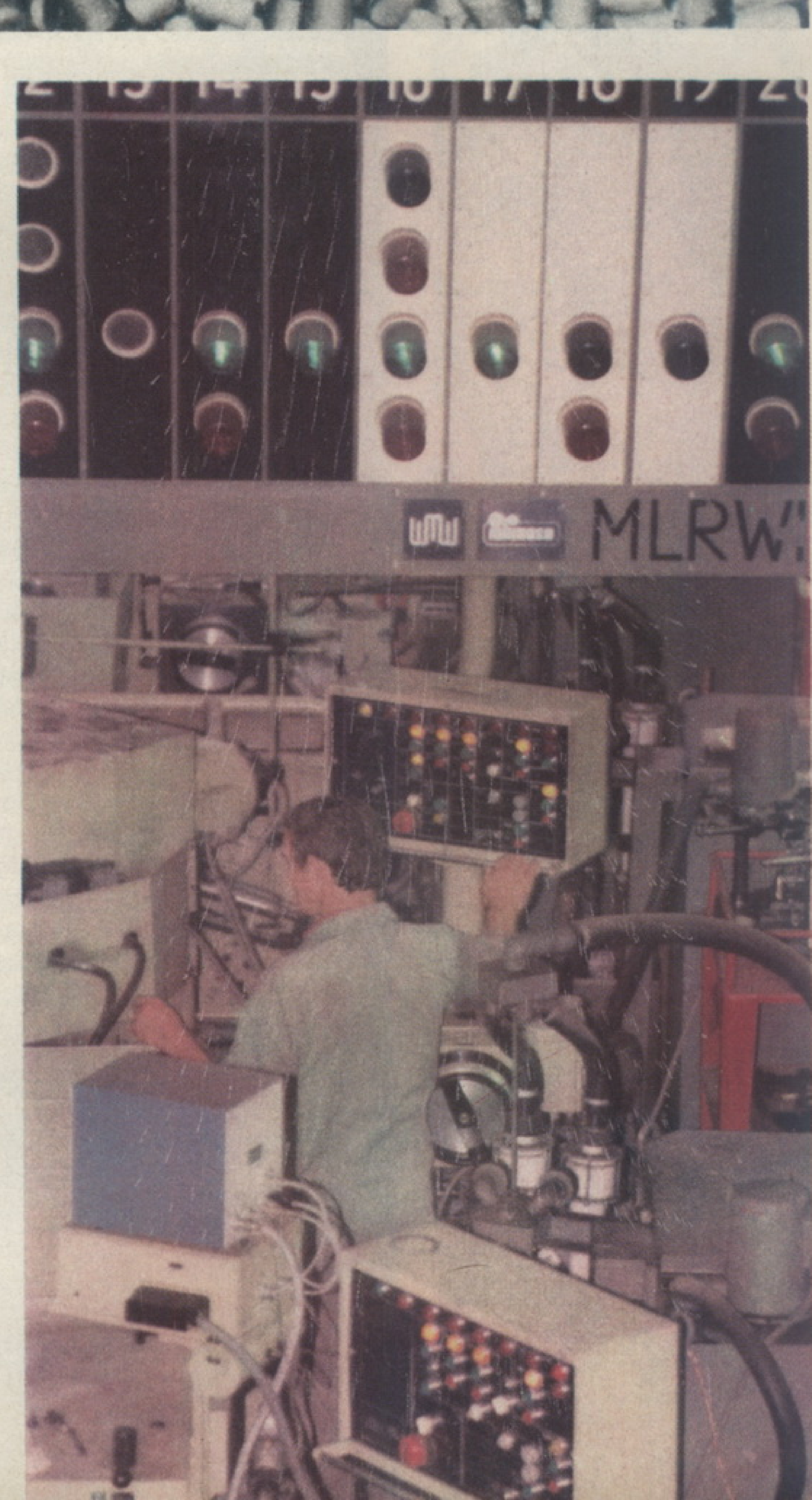
Из проекта новой редакции Программы Коммунистической партии Советского Союза

Шлифовальная линия фирмы «Микроза» — шесть в ряд установленных станков, окрашенных в серый цвет. Черным выделены «лифты» и накопители. На вертикальных пультах по тридцать четыре разноцветные кнопки и лампы. Замыкает линию высокое черное табло вроде стадионного — на нем горят и мигают в два ряда сорок нумерованных огней, показывая загрузку, исправность и готовность отдельных агрегатов.

В бункер высыпают заготовки — конические ролики после закалки. Линия сама втягивает их в себя, на «лифте» везет вверх. На определенной высоте ячейки «лифта» опрокидываются, и ролики исчезают в нутре машины, там, где, невидимые, вращаются шлифовальные круги. Автоматические измерители показывают на шкалах, насколько точно идет шлифовка. Зажжется зеленая лампочка — значит, ролик выходит из станка чуть большего размера, чем нужно; зажжется красная — значит, чуть меньшего. Вспыхивает на пульте желтая лампа — это притупился один из шлифовальных кругов, а линия, не прекращая работы, сама точит его, «алмазит», как говорят наладчики. Бесчисленные, как муравьи, ролики все идут и идут, выталкиваются из накопителей, спускаются по трубам. Войдя в линию грязными, закопченными, шершавыми, ролики выходят серебристыми, скользкими от собственной гладкости.

Линию купил московский завод ГПЗ-1. Из ГДР на шефмонтаж (то есть наладку) приехала бригада техников фирмы «ФЕБ Микроза Лейпциг». «Что может дать линия заводу? — говорит один из бригады, Дитер Шмидт.— До сих пор на заводе шлифовали ролики с точностью третьей степени. Линия «Микрозы» дает вторую степень (первую дают только отдельные станки). Это высокий класс. Подшипники с такими роликами могут идти на экспорт и конкурировать с японскими и американскими».

Бригада из ГДР, приехавшая в Москву, сразу показывает свое присутствие: на стену вешают карту, где подчеркнут Лейпциг («Мы отсюда!»), на дверь своей комнаты в цеху приклеивают эмблему «Микрозы». Каждый приехал

со своим ящичком инструментов. У Дитера Шмидта в ящичек подстелена бархатная подкладка, на ней лежат отвертки и гаечные ключи «Super steel». На угол бархотки приколот красный фирменный значок. Он выходит работать в цех, ставит свой ящичек на край станка — неторопливый человек в синей спецовке, в разрезе которой видна голубая тенниска.

«Дитер, эта аккуратность — типично немецкое качество?» — «Нет. Качества характера не связаны с национальностью. Я так думаю. У меня есть в Лейпциге друзья, некоторые из них в жизни горячие, как испанцы, галантные, как французы. А на работе они проявляют те качества, которые требует от них техника, вот эта наша линия «Микрозы».

Он в работе никогда не торопится. Движения его размеренны, как будто он заранее обдумал и решил, что вот в 11.10 надавит отверткой тут, а в 11.20 ключом подвернет там. Иногда он просто ходит вдоль линии, ничего вроде бы и не делая, но это не так, просто какая-то внутренняя работа совершается в нем в эти минуты — работа слуха, работа чувства. Он вслушивается в плотный стук станков, про себя раскладывая общий звук на составляющие — это вот отсюда, это оттуда, это поет низко вал, это гудит шкаф с электроаппаратурой. Услышав что-то, на слух определив место, идет туда и стоит склонившись, смотрит, просто смотрит. «Что там можно разглядеть? Как можно увидеть полмикрона?» — «Я чувствую. Опыт». И, насмотревшись, понаблюдав минут пять, берется за дело, подкручивает колесо-штурвал на долю градуса, сдвигает тем самым что-то внутри станка на нужные миллиметры, опять смотрит, отверткой нащупывает в глубине станка нужную точку и надавливает, как врач на больной зуб. Потом говорит, распрямляясь: «Тут все! Готово!» И ходит дальше вдоль работающей, стучащей линии, вслушиваясь, вдумываясь.

Линия работает равномерно, без остановок и авралов — пять тысяч роликов в час, тридцать пять тысяч за рабочий день. Плавным беспрерывным потоком идут заготовки, опрокидываются ячейки «лифта», вертится шнеккер, накручивая оборот за оборотом, загораются и гаснут лампы, как бы спрашивая и отвечая, как бы ведя беспрерывный деловой разговор,— каждое дело точно распределено во времени, каждое движение совершается именно в ту секунду, когда и должно совершиться. В этом ритме есть какая-то осмысленность, так что скоро начинаешь относиться к линии как к доброму работящему существу. И в человеке у линии видишь то же качество, ту же способность соотнести время и дело. Шмидт (фамилия столь же распространенная среди немцев, как Иванов среди русских) никуда не торопится и все успевает. Он приходит посидеть-отдохнуть на скамейку в середине цеха, но скоро, обрывая разговор, говорит: «Все! Время!» При этом он не смотрит на часы, и бригадира поблизости нет. Да и нельзя себе даже представить, что работать так хорошо и вдумчиво, как это делает Шмидт, можно из страха перед начальством. «Я на своем месте сам себе начальник. У меня своя ответственность, а у бригадира своя. Я, наладчик, свое дело сделаю. А он должен вокруг все организовать так, чтобы мне и линии было удобно: бесперебойное поступление масел, эмульсии, заготовок, запчастей...»

Бригадир, маленький мужчина с рыжими бакенбардами, единственный из бригады не носит спецовки: он одет в обычную рубашку и песочные вельветовые джинсы. В цехе он бывает редко — придет, пройдет, взглянет, не нужно ли кому чего. Он пропадает в административном корпусе. Он ведет всю документацию (на двух языках), он для своей бригады «пробивает» и «выбивает» то, что ей необходимо: ведь для новой линии завод выстроил новый цех, удаленный от главной территории, завод создает новые службы и связи, завод перестраивается. Огромные административные кабинеты пахнут остро штукатуркой и пусты — мебель еще не завезли. Бригадир понимает, как трудно тем, кто сидит в этих кабинетах,— нет то того, то этого, в цехе строительные недоделки, масса трудностей, которые возникают всегда, когда дело ставится на новый, современный лад. Он это понимает и даже сочувствует — солидарность бригадиров, взаимная симпатия начальников! — но в требованиях своих все равно тверд и безжалостен: «Каждый отвечает за свое дело. Понимаю, создавать такой мощный филиал непросто. Но они заранее (слово это он выделяет голосом, выдавливает его в разговоре, как резцом по железу) знали, что мы приедем. Заранее! И значит, все должно быть готово для линии «Микрозы»! Ну и потом, это обычная бригадирская работа — организовать труд людей. Я для этого поставлен, мне за это платят неплохо. Начальник должен доказывать своим подчиненным, что он им нужен, если же он не будет этого делать, то рано или поздно они его спросят: «Слушай, а что ты тут вообще делаешь?» (он смеется). Если бригадир торчит над душой у наладчика и весь посвятил себя надсмотру, то это значит, что он своих обязанностей не выполняет — его обязанность стараться все время что-то улучшить в организации дела, отстаивать интересы бригады». И он уходит большими шагами, пропадает часами где-то, хлопочет и старается, зная все потребности линии на сегодня, на завтра и на месяц вперед, и в конце рабочего дня, устроившись в комнате бригады за дверью с фирменной эмблемой, пунктуально заносит в «Журнал работ» все свои требования и замечания. Если он пишет, что нет чего-то, то обязательно добавит, что «это может вызвать задержку, равную двум (трем, четырем) рабочим дням». Он настаивает на умывальнике для своей бригады. «Это не мелочи! Порядок — он или есть везде, или его нет нигде!» И кончает стереотипной фразой: «Пусконаладочные работы продолжаются по плану...»

Цех, где штампуются ролики и производится их закалка, находится на старой территории завода, основанного еще в 1932 году. Грузовики везут заготовки в новый цех, в Люблино, к линии фирмы «Микроза». Линия всю работу делает сама, весь шлифовальный цикл как бы замкнут в ней, и с другими производственными звеньями она связана только на входе и выходе. На входе надо заготовки засыпать, на выходе в кассету упаковать. И вот грузовики привозят черные, закопченные, тяжко весящие кругляши, но в линию они сразу не идут. Современная линия не стыкуется с заготовительным цехом — между ними возникает некий «переходник» — производственное звено, не предусмотренное конструкторами фирмы, думавшими о том, как освободить человека от ручного однообразного труда. Но тут у линии пока что стоит стол, за ним сидят четыре женщины в платочках и халатах и, словно семечки, лущат заготовки, выбирают из них брак. Нестандартный, сколотый ролик, попавший в станок, всю линию застопорит, линия им «подавится». А заготовительный цех не может обеспечить высокое качество заготовок — качество, необходимое для умной и умелой машины. «Линия потянет заготовительный за собой, заставит его работать на высоком качественном уровне,— говорит Дитер Шмидт.— Так должно быть».

«Линия даст заводу то, что он хочет, если завод позаботится о ней». Что значит — позаботится? Линия при том, что шлифовку проводит практически без участия человека, что сама следит за исправностью своих механизмов и за точностью своей работы, при всей своей независимости и силе все-таки ранимое и чувствительное существо. «Чем техника сложнее, тем она чувствительнее». Сложным современным станкам нужно, чтоб к ним относились с уважением, чтоб как бы услышали требования, заложенные в ритме их работы. А ритм этот ощущаешь, стоит только постоять у линии минут пять: работящая, сосредоточенная машина. Она не может то стоять, то рвать рубаху на груди, вкалывая втрое. Она рассчитана на ровную интенсивную работу. «Я рядом с ней работаю на своем пределе. Меня не нужно подгонять. Меня линия сама держит в напряжении». И такого же ровного напряжения она требует от всех, кто с ней связан. Заготовительный цех, расположенный за десять километров отсюда, должен изготовлять заготовки бесперебойно, иначе линия, обнаружив

пустоту в бункере у себя на входе, замигает зелеными лампами, беззвучно закричит о том, что работает вхолостую. Вхолостую вращаются тогда валы и шлифуют старательно воздух рядом с собой. Шофер, в цистерне привозящий эмульсию (ее заливают в подземные баки, и она идет на охлаждение и шлифовку), должен привозить ее именно тогда, когда она нужна линии. Не привезет — линия встанет. Минута простоя — триста неотшлифованных роликов. Пятнадцать невыпущенных подшипников. (При том, что на один грузовик их идет около восьмидесяти.) И тут не поможет, если на следующий день шофер сделает вместо одной ездки три и перевыполнит план по грузоперевозкам втрое. «Линия требует от всех ритмичной работы».

«Если на производстве беспорядок, то автоматизация не устранит беспорядка, а только его усугубит» (академик Велихов).

С эмульсией в новом цехе все время возникают перебои. Понятно, что идет наладка не только линии, но всей работы вообще; еще не устоялись, не отработались каждодневные производственные связи, еще даже нормы выработки для шлифовщика, который встанет к станкам, когда уедет бригада «Микрозы», не существует. Ее еще предстоит вычислить, предстоит еще увязать качество, с каким отшлифован ролик, с зарплатой... Но эмульсия! «У каждого производства свои проблемы. Но есть проблемы дела, а есть проблемы слабой организации дела. Все вокруг линии должно быть так же четко продумано, как она сама» (говорит Дитер Шмидт).

Он рабочий человек, классный техник, знающий потребности линии, как знают отцы потребности своих детей, видит все недостатки в организации и говорит о них. Он имеет право говорить об этом, поскольку и он, и вся бригада всю душу вкладывают в дело, все свое умение отдают тому, чтобы наладить четкую работу станков, связанных воедино. И если чего-то не хватает, то бригада не сидит сложа руки, не кивает: «Пусть, мол, нам обеспечат, тогда и мы тоже...» Бригада хватает ведра и ведрами таскает эмульсию из железных коробов, когда опять нет ее в подземных баках. Такой штатной единицы при шлифовальной линии «Микрозы» нет — водонос. Но Шмидт тащит два ведра зараз, мелко перебирает ногами по цеху, поит линию, как будто она живая, бедная — ему ее жалко. Он ее любит и знает во всех ее потребностях и особенностях, во всем ее хитроумном устройстве и добром характере. И он должен наладить ее в тот срок, на который приехал, преодолевая неполадки и ошибки, даже если они допущены не им. «Я не могу работать иначе, если хочу оставаться в этой бригаде — первой сборной «Микрозы». Это высококлассная бригада для сложных наладочных работ, в том числе за рубежом. Начну не справляться — подойдет бригадир: «В чем дело? Плохо себя чувствуешь — возьми бюллетень!» В следующий раз скажет: «Не можешь — уходи! В другую бригаду, на другую работу, где платят меньше и жизнь спокойней». Он пожимает плечами, как бы говоря, что объяснять тут нечего, это само собой разумеется, и реплики бригадира в его устах звучат такой правотой, что понимаешь: он бы и сам так сказал тому, кто не тянет...

Когда смотришь на умную, сложную работу синхронизированных станков, то возникает ощущение, что они все сделают сами — человек тут не нужен. Утром включить, вечером выключить. Готовые ролики в кассету собрать. Все дела. «Это не так». Шмидт сидит на скамейке посреди цеха, эта скамейка вроде завалинки в деревне, куда приходят посидеть, поговорить. Только тут за спиной не плетень, а мигающее красно-зелеными огнями табло. «Люди должны привыкнуть к постоянному вниманию. Если все время уходить курить, то рано или поздно что-нибудь случится с линией. Она присмотра требует. Особенно хороши на такой работе, кстати, женщины, у нас в Лейпциге много женщин-шлифовщиц».— «Но как развить в людях качества, которые нужны для работы на линии: внимательность, ответственность?» — «За ответственность надо платить! Система должна быть такой, чтобы человеку выгодно было хорошо работать. Мы, например, работаем даже по субботам — нам это выгодно. Делу тоже».

И он идет работать. «Я люблю наладить механизм. Я с детства сам все чинил. Мне нравится моя работа. Никем другим я бы быть не хотел».

Работает линия «Микрозы», стучат станки, вспыхивают лампы, непрерывной цепочкой ползут ролики. Подшипники — это то, без чего не поедет грузовик, не помчится электровоз, не полетит самолет. На подшипниках вертится земля и вращается небо. Будет точно отшлифованный ролик — будет и классный подшипник. Шмидт запускает руку в стучащее нутро станка, вынимает ролик, кладет его в контрольный измеритель, стоящий тут же, на красном металлическом столике. Тонкая, как паутина, стрелочка дергается и замирает меж двух красных рисок. Дитер Шмидт хмыкает в свои рыжие жесткие усы.

«Мы отладили линию как часы,— говорит он, ветошью вытирая свои черные промасленные руки.— Остальное вы сделаете сами».

Комментарий заместителя начальника технологического отдела завода Владимира Сергеевича Кондрашкина: «С фирмой «Микроза» мы сотрудничаем давно и тесно. У нас в каждом цехе их станки стоят. Специалисты из Лейпцига к нам приезжают не первый раз. В общем, совместная работа предприятия из ГДР и нашего завода продолжается не первый год...

Но автоматическую шлифовальную линию мы устанавливаем впервые. Конечно, без проблем тут не обойтись. Есть проблемы со смазочно-охладительной жидкостью, с заготовительным цехом. Введение современной технологии — дело непростое. Товарищи из ГДР помогают нам: говорят, что у нас не так. Так же, как и мы находим недостатки в той технике, которую они у нас ставят. Мы стремимся к совершенству, вместе улучшаем технику, внедряем ее и создаем условия для того, чтобы она работала отлично. Проблемы — это нормально. Преодоление трудностей — наша работа.

Линия — это последний вариант конструкторской доработки фирмы «Микроза». Немножко не хватает линии надежности — ролик проходит три станка, а на четвертом может перевернуться. И мы уже думаем, как тут, на производстве, устранить этот недостаток. Так же, как устраняем другие. Линия требует высокого качества роликов — мы ужесточаем контроль в заготовительном цехе, устанавливаем там автоподналадчики. Мы вводим в строй центральную систему подачи эмульсии. Заказываем для линии шлифовальные бруски и круги с использованием алмазной пыли. Совершенно верно говорит Дитер Шмидт: линия тащит все производство за собой, требует вокруг себя порядка и качества. Мы это понимаем.

И еще. Надо понимать: современная техника не палочка-выручалочка. Она производство одним своим появлением не изменит. Она прежде всего как раз усложнит нам жизнь. И пока она не «врастет» в производство, нам придется много думать и волноваться. Ведро, с одной стороны, рядом с современной техникой выглядит допотопным (это я эмульсию имею в виду), с другой же — в период реконструкции и наладки, когда весь производственный процесс еще не отлажен, бывает, нужно взять ведерко и линию «напоить». Понятно, что лучше бы все сразу работало идеально. Понятно, что и мы, и наши коллеги из ГДР этого хотим. Но хотеть мало — надо работать, не чураясь и ведер, как бригада «Микрозы» и делала... Линия, пока она не налажена, требует хлопот и забот, как ребенок. И надо побегать, похлопотать и понервничать, прежде чем все войдет в ритм. Но зато потом линия «отблагодарит» нас: освободит станочников от ручного труда, создаст в производстве высокопроизводительный порядок.

Если бы мы хотели беспроблемной жизни, мы бы и не затевали перестройку. Если бы мы не верили, что сумеем одолеть все трудности, нам бы и не стоило ее затевать.

Мы работаем вместе, открыто — опыт у нас общий и проблемы общие. Да, «по делу» мы бываем и недовольны друг другом, выставляем требования, спорим. Но и мы, и коллеги из ГДР даже в самых острых спорах про себя, в уме знаем, как полезно для нас сотрудничество. И, зная это, особенно приятно сказать, что у ГПЗ-1 и фирмы «Микроза» никаких тайн друг от друга нет, а есть общее дело, которому мы равно преданы».

ДОЛГ И ЧЕСТЬ

(Рассказ слушателя Военно-политической орденов Ленина и Октябрьской Революции Краснознаменной академии имени В. И. Ленина майора Станислава Васильевича МАРЗОЕВА о службе в Афганистане)

Перед самым Афганистаном — когда я уже знал наверняка после полугода просьб, что буду там служить,— я написал отцу, попросил, чтобы прилетел ко мне.

Но прилетела мама. Потом я узнал, что удалось достать только один билет, было лето, и мама сказала отцу: «Рожала я». Я ее увидел и пожалел, что написал. Невозможно было на нее смотреть. Она держится, что-то говорит положенное, жена военного, выдержка у нее особенная. А глаза и лицо ужасные. Я кинулся добывать обратный билет. Но все равно целый день мы провели вместе, и мне приходилось смотреть ей в глаза. Как будто страшно был перед ней виноват.

До этого я никогда дома не заговаривал об Афганистане, хотя решение добиваться перевода туда укрепилось давно. Не хотел раньше времени обсуждать вопрос. Может быть, лучше было бы вообще без всяких телеграмм взять и улететь. Но, наверное, мама никогда бы мне этого не простила.

Прилетел в Афганистан. Увидел: серые города, серые горы. Воздух тоже кажется серым. Это потом, когда летал домой и возвращался, видел этот мир другим. Что ж, все стало привычным. А поначалу, после Родины...

До Афганистана я служил на Украине.

О своем прибытии рапортовал по форме. Получил инструктаж и более подробно, более конкретно ознакомился с обстановкой, с особенностями района, где мне предстояло служить. И отправился на место дислокации нашей части.

Я был первым офицером в батальоне, прибывшим в Афганистан на смену.

Я сразу почувствовал «обстановку, максимально приближенную к боевой». Мне это было знакомо по учениям, то есть немного знакомо. Мне сказали: афганская революционная армия воюет, и воюет серьезно.

Командир встретил меня сдержанно. Потом я понял: любил он своего прежнего замполита, который вернулся домой, в Советский Союз.

Фамилия комбата была Кастрюлин. Кастрюлин Федор Иванович. В десантных

частях он прошел все должностные ступени: был взводным, замкомроты... Тогда ему был тридцать один год. Майор. Выжидательный его взгляд я запомнил и понял.

Ночью началась стрельба. Мы на плато. Душманы внизу. Метров тридцать от нас. Стреляют. Такое ощущение, что вот-вот палатку заденут. Вскакиваю: все в палатке спят. Часовой у входа спокоен. Я встал, вышел, поволновался, походил, лег. Встал, вышел, шинель внакидку. Из палатки мне говорят: ложись ты, ради бога, они так дурака повaляют до полодиннадцатого, потом перекур и замолчат. Я лег.

Никто мне не сказал и не дал понять: ах, ты свеженький прилетел, а мы тут привыкли к этим фокусам, к этой стрельбе по нервам...

Однажды я, вернувшись домой в первый раз, еще не насовсем, уснул, а мама с отцом смотрели телевизор в другой комнате. Шел фильм про войну. Перед окном у меня висел обыкновенный уличный фонарь. Я проснулся от выстрелов, вскочил, рукой стал искать оружие, а его нет. Спросонок фонарь померещился желтой ракетой — сигнал внезапного нападения, и взрывы, а оружия там, где оно было всегда, нет. И тут в одно мгновение пот холодный прошиб. Пришел в себя: летняя тишина, телевизор стрекочет, отец с мамой там сидят, и уличный фонарь светит в окно...

Мои братья выбрали мирные профессии, и они хорошо, умело работают. Мне казалось, что отцу хочется, чтобы я стал военным. С детства я как бы все время рапортовал ему о своих результатах. В три года я сидел в кабине военной машины рядом с отцом, который был командиром, я это понимал. Я слышал учебные взрывы. В небе плыли парашюты. Это были военные парашюты. К нам домой приходили офицеры. По тому, как они держались друг с другом, я начинал составлять свое представление об офицерах. Понятие «офицерская честь» внушено мне отцом, но я теперь думаю: как? — и не могу додуматься. Исподволь, незаметно — и неспециально. Моя мама всегда была женой офицера. У нее всегда была особенная жизнь, отличная от жизни других женщин. В гости приходили офицеры с женами. Я не могу определенно назвать, что на меня влияло в атмосфере нашего дома... Друзья отца — офицеры.

О войне отец не говорил.

Мой отец в девятнадцать лет командовал батальоном под Сталинградом. Когда я это повторял себе в училище, в этом было что-то честолюбивое. Мне тоже было девятнадцать, а я еще учился. Я не командовал. Нет, не так просто. В моем честолюбии было что-то честное, более важное. «Твой отец в девятнадцать лет...»

Сначала я пошел в училище после школы, но вернулся и сказал себе: приду в училище сержантом. Отслужил и пришел сержантом. Наше училище располагается в очень красивом месте. Лес отличный. В училище помнят ребят, которые служили в Афганистане: сделали именные уголки в классах, указы о награждении красиво в рамочках висят. Я приезжал, видел. Память надо хранить красиво, я в этом уверен.

Наш парашютно-десантный батальон размещался в Афганистане палаточным лагерем. Никаких указаний мне не дали; для меня это было подтверждением того, как сплочен в службе коллектив: от меня ждали, что я естественно включусь в общую работу. Я замполит, моя работа прежде всего — работа с людьми. Когда возвратились со стрельб, комбат не только мой доклад выслушал, он ротного спросил: как замполит?

Комбат Федор Иванович Кастрюлин, этот человек исключительной отваги, тогда еще не получил своего ордена боевого Красного Знамени. Я увидел совершенно коричневое чисто русское лицо. Он всем был земляк: в том краю он жил, из этого родом мать и так далее. В армии самый маленький повод для земляческих чувств — уже радость.

В нашем палаточном городке всегда полный порядок, в палатках — заправленные кровати в два яруса, чистое постельное белье. Я заметил, что по калорийности рацион превосходил обычный солдатский, а так все привычная пища.

И обычный распорядок дня. Подъем в шесть по команде дневального. Все на зарядку. Зарядка час. Все по пояс голые, зимой в шапках. Пока зарядка идет, наряд готовит умывальники, убирается территория, убирается в палатках. После умывания осмотр. Командиры смотрят: свежий ли подворотничок, не натерты ли ноги. Построение на завтрак. Развод на занятия. Кто идет на стрельбы, кто идет машину водить. Кто заниматься тактикой в поле. Спецкоманда — по хозяйству. Ну, что летом делали? Овощи к зиме готовили. Придет колонна с провиантом — разгружают. Строительные работы. Так до обеда. После обеда те, кому в наряд, готовятся к наряду. Остальные опять: занятия, чистка оружия. Очень много ухода требует техника. Перед ужином — политико-массовая или спортивно-массовая работа. Беседы, концерты, библиотека. Библиотека была очень неплохая. Раз что-то новое кино долго не везли. Так мы восемь раз «Экипаж» посмотрели! Помню, погода мерзкая-мерзкая. Что делать? Идем в клуб. А там уже сидят, так же как мы, по восьмому разу. Знают картину назубок, комментируют.

...Отслужившие службу уезжали после церемонного прощания. «Ты нас не забывай». «Пиши». Они потом писали, слали открытки, от которых все веселели. «Этот парень со мной служил». В одной роте ЧП: мать прислала письмо — сыночек не пишет. Как не пишет? «В феврале, товарищ старший лейтенант, писал».— «В феврале! А сейчас у нас что? Садись! Бери ручку! Пиши!» «Здравствуйте, мама...»

Один из выводов, который я сделал гораздо позднее: в нашем батальоне люди от службы постепенно менялись, становились другими. Сосредоточеннее, умнее, основательнее. Шире начинали мыслить, рассуждать. Золотые становились ребята. Во многом это определялось сложнейшей обстановкой службы. Видели мы своими глазами разграбленное, разрушенное, сожженное. Душманы с какой-то настойчивостью, с каким-то ненормальным прилежанием жгли школы.

Все это раздувалось из-за границы — Пакистана, США... История борьбы нашей страны с басмачеством повторялась почти слово в слово. Я постарался подробно изучить период басмачества в Средней Азии. Самое тяжелое время, тридцать второй год. Повадки бандитские одинаковые, методы одни. Причина провала всего их тщательно оснащаемого движения одна.

Постепенно налаживалась моя жизнь. Я «внедрялся». Я много думал, оценивал свои поступки. Я привык к работе с самим собой.

Какой я был до вылета в Афганистан и какой я вообще. О честолюбии сказал. Внешний блеск. Я не лишен стремления к нему. Более того. Я считаю, что военным внешний блеск необходим. Народ должен видеть военных такими, какими он видит их на параде. Или в «мирных» кинофильмах. Незачем знать нашу кухню: какие мы на учениях, грязные, уставшие. Любой может грызть яблоко на улице. Кроме военного. Это не идет к его форме. То же — манеры, голос. В каком-то смысле слова — игра. Командир обязан уметь «играть». У него должен быть прекрасно поставленный голос, который его не подведет, я сознательно готовил себя к роли командира. Неправильно противопоставлять, скажем, личный пример политработника и приказ командира. В бою, думал я, солдату неважно, какую должность занимает старший по званию, который оказался перед ним. Политработник это или военврач — он все равно командир. Он обязан командовать. Он обязан брать на себя ответственность за жизнь людей и за исход действий. Командовать же имеет право только уверенный, совершенно разобравшийся в ситуации человек. Он должен так выглядеть и таким быть. Это армейское требование к руководителю. В гражданской жизни у него может быть мягкий, тихий голос и даже неуверенные манеры — у подчиненного всегда более чем достаточно времени, чтобы разобраться. В армии этого времени почти никогда нет. В обстановке, приближенной к боевой, и в обстановке боя нет ни секунды на то, чтобы отделить смысл приказа от интонации, которой он дан. Армия — сложный, четко работающий механизм. Все

в ней должно быть подчинено слаженности, четкости, точности. Голос, жест командира — тоже. Что касается личного примера, то в бою личный пример, понятный и ясный,— это, например, самопожертвование. В Великую Отечественную пример командира, поднимавшегося во весь рост под пулями, был прост, понятен: делай, как я. Это была война, война, которую вела закаленная армия, противопоставившая армии врага (вышколенной, интеллектуальной, с намертво внедренным в сознание чувством превосходства) свое умение воевать. И тогда важно стало профессиональное умение командовать и ротой и фронтом. Появились маршалы новой формации, по-новому мыслящие военачальники. Считается, что армия всегда готовится «к прошлой войне», то есть на ее уроках. Для меня важен оказался вывод, который я сделал, изучая историю Отечественной: личный пример и приказ нельзя противопоставлять. Не боюсь сказать также: личное самопожертвование командира в бою может поставить перед смертельной опасностью тех, кого он ведет в бой. И я знаю случаи, когда одно только командование, блестящее командование, когда солдаты с полуслова и без слов понимали, что следует делать, спасало людей, попавших в смертельно опасную переделку. Так было и в Афганистане.

В училище мне в характеристике была однажды записана строчка упрека: предпочитает командование. Иными словами: излишне администрирует. Я не посчитал это недостатком. Другое дело, что нельзя администрировать в работе с людьми — в политработе. Но я это понимаю. Ведь это моя работа.

Я должен был научиться и командовать, и «владеть аудиторией». Я должен был стать умнее, тверже, сильнее и подготовленнее аудитории. Это требование ко мне. Как политработник я не имею права приступать к беседе, если я не «тяну». Конечно, я понимал, что можно обладать и меньшей суммой знаний, и более свободно на первый взгляд ею оперировать. В конце концов у каждого свой биологический фильтр. Где-то я прочитал. Но я старался выложиться полностью в учебе. Хотя мне знакомы и чувства отстающего. Система подготовки в училище была построена так, что каждый человек должен был выкладываться полностью, но не переутомляться. Много занимались и физической подготовкой. Я никогда не сидел ночами. Только когда был в наряде, сидел всю ночь и что-нибудь конспектировал. А так времени хватало. Я чувствовал, как мой мозг становился мобильным.

Нас в училище все, что было связано с революциями, очень волновало, трогало. В семьдесят пятом следили за событиями в Анголе, очень болезненно переживали. Помню первые фотографии из Афганистана. Наш танк Т-55 и солдат афганский. Но вот в апреле или в мае как-то утром на построении командир нашего батальона объявил: нужны пять человек в десантные войска. Требования: никаких замечаний и отличный диплом. Я пошел, не раздумывая и ни с кем не советуясь, так это было для меня давно решенное. Так складывалось все в моей жизни и в моем характере, что я должен был идти в десантные войска. Службу начал на Украине. Потом, когда обратился с просьбой отправить в Афганистан, получалось очень убедительно: долгое время жил в Средней Азии. В Средней Азии служил отец. Мы, мальчишки, играли во дворе, среди нас были туркмены, узбеки — интернациональный двор. Для меня самого было самым убедительным доводом то, что я чувствовал себя подготовленным к службе в Афганистане. Я знал это определенно, твердо, наверняка.

Мне не нравятся излишне «скромные» люди, которые ничего определенного не могут сказать о себе: готовы ли они к выполнению сложного задания, имеют ли право быть впереди, способны ли оправдать доверие. Кто лучше самого человека знает его возможности? Иногда скромность на словах прикрывает тщеславие или страх ответственности. Я обращался и обращался с просьбами, потому что был уверен в себе. Я готовил себя к испытаниям, но я сознавал, что там — в более сложной, чем привычная армейская, обстановке — проверке будет подвергнута также моя ответственность не только за самого себя. В моем подчинении окажутся люди. В училище у меня далеко не все получалось. Два года я не ездил домой на зимние каникулы, потому что не мог сдать зачет по лыжам. И я помню «звездные минуты»: «пять» по физо, и все остальное начинает идти по возрастающей... Я писал домой, все рассказывал маме, а потом в ответных письмах старался вычитать: нравится ли это отцу, одобряет ли он?

Я хотел задать отцу пару вопросов.

Во-первых, узнать, хотел ли он, чтобы я пошел в десантные войска? Об этом моем желании он знал — и промолчал. Окончательное решение я принимал один, сам.

Второй вопрос касался Афганистана.

Но эти вопросы я мог задать ему, только вернувшись. Раньше в них не было смысла. Разговор вышел бы не на равных, чувствовал я.

Вопрос моей чести заключается в том, чтобы не только я гордился моим отцом, но чтобы и мой отец мной гордился. Меня распирало от мысли, что я могу вернуться и доложить отцу...

Наши войска были введены в Афганистан, как известно, по просьбе афганского правительства. Потом по указке американцев поднялся настоящий вой.

В год, когда я оказался в Афганистане, я не использовал своего отпуска. Просто не успел. Так получилось. В конце концов, этот отпуск касался только меня самого.

Живем в палатках. Пыль. Воду привозим за пятнадцать километров. Иногда наши колонны обстреливали. Тогда колонна останавливается, начинает отстреливаться. Двигается дальше. Солдат должен быть умытым, чистым. Хоть пыль, кажется, навсегда пропитала нас.

...В годовщину пребывания нашего батальона в Афганистане после обеда сделали построение, подведение итогов. Привезли всех из охранения. Как могли почистились. Оркестр, подарки. Отцу-матери солдат мы, командиры, заранее подготовили благодарственные письма и перед строем зачитали их. Потом это каждый праздник повторяли. Зачитывали приказ, солдат выходит из строя, командир — раз, обнял... Потом все кинулись к Новому году готовиться. Из сгущенки делают торт, столбы под березки раскрашивают. У летчиков достали, что ли, но появились ветки эвкалипта. Фанты накупили. Ощущение сверхпраздничное. Я проходил и видел: в этой роте КВН идет, все в пиратов понарядились, там за столами чинно сидят...

В этот час афганские товарищи попросили помочь: недалеко проходит совещание главарей банд. Знали душманы, что у нас праздник, и вот так почти открыто, под нашим носом... Ошалели, конечно, когда наши на них выскочили.

Душманы уничтожают школы и убивают учителей. Они уничтожают семьи военных, гражданских... Но правительство ведет себя очень гуманно. Даже по отношению к душманам проявляет... вдумчивость. Особенно это видно по обращению с духовенством. Правильность этой политики несомненна. В этой стране жизнь, если так можно сказать, тотально зарегламентирована заповедями корана. То, что надо мыть руки перед едой,— это сказано в коране. То, что женщина должна носить штаны,— это требование гигиены при таком климате. Но для большинства живущих здесь это необсуждаемое требование корана. Каждая мелочь, каждый шаг, любой случай, любая ситуация предопределены кораном, действия человека расписаны подробно. И пришелец может, не сознавая того, быть сочтен врагом, «преступив» в мелочи. Входя в дом для беседы с хозяином, нельзя справляться о здоровье его жены. Наш человек может сделать это машинально, потому что для нас это признак вежливости. Нельзя заглядывать на женскую половину... Нельзя, нельзя. Нельзя неосторожно обидеть! Люди ведь очень радушные, сердечные. Но коран говорит: когда «неверный» дает тебе мед, мед этот превращается в яд. Очень долго нужно работать с людьми. Я видел новостройки в Кабуле. Домостроительный комбинат, построенный СССР, работает, и всю эту нищету из их... склепов, где они из поколе-

ния в поколение наживали себе ревматизм, переселяют в квартиры. Я думаю: разве эти люди не разглядели в нас друзей? Конечно!

Они знают про Ленина, знают давно. Знают от отца, от деда.

Ленин — им понятно. «У вас есть Ленин. Это ваш аллах. Все правильно. Без аллаха человеку нельзя».

— Товарищ старший лейтенант! Не могу объяснить им про пенсии. Они меня так поняли, что как шестьдесят исполнится, стариков убивают и работать не велят!

Вопрос лично ко мне:

— Командир, ты богатый, сколько баранов имеешь?

— Нет баранов.

— И!..

И у этих людей душманы жгут школы.

Душман сидит в яме, прячется в домах, стреляет из-за угла. А солдат открыто идет. Он возвращается со службы и ложится спать. Но на второй день его как в котле сварили. И не спит перед нарядом. Бывает такое: возбужден, смеется. Это лучше, чем когда уходит в себя. Самое опасное состояние, считают психологи. В нашем батальоне восемнадцать национальностей. Но все едины, как кулак.

В одном бою ранило Женю Машкова. Продырявлен подсумок, портупея, пряжка ремня. Его выволокли, видим, ранен, но вроде все нормально, живой. Он держался, а как увидел свою портупею...

Валера Данда — замполит роты и секретарь партбюро батальона. У него и наш орден Красной Звезды, и афганский орден Славы. Со мной на Родине служил, очень хорошо подготовлен. Когда я уехал, передал ему должность. Однажды, возвращаясь с задания, он с девятью солдатами попал в засаду. Очень неприятная была засада, ночью. Из этой засады, пожалуй, ходу живым не было. А он четыре часа отбивался и продержался до прихода наших. С первого выстрела каждый из девяти знал, что делать. Не было бы времени оценить личный пример командира, это я к тому разговору о командовании. В следующую же секунду все бросились в круг, заняли оборону, и это был факт не чудесного спасения, а факт высокой подготовки. Ночью на тропе их специально ждали. Пристрелялись, конечно, к каждому камешку на тропе.

Физическая подготовка у нас была постоянной. Зарядка, как сказал уже, час. Различные комплексы. Нужно, чтобы солдат владел приемами борьбы с оружием в руках. Я разговаривал с гражданскими: они насмотрятся кино и воображают себе чушь. На самом деле армейская жизнь, даже максимально приближенная к боевой, другая. Она проще и тяжелее. Мы с Юрой Гусевым договорились: зарядка моя, а вечер его. Я знаю хорошо, как надо наращивать нагрузки. Два-три месяца, и у парня румянец. Горожанам бедным тяжело. Некоторые говорят: морока с этими горожанами! Это резко сказано, и нельзя так говорить, наверное. Но только армия — это тяжелое дело.

В армии человек, воспитывавшийся из поколения в поколение к жизни в определенной среде, попадает в обстановку, где к нему предъявляются совершенно одинаковые требования. Без этого армии нет.

Но это не значит, что цель армейской службы — обезличить человека. Да, есть армии, где дикая муштра, оболванивание, физическое вышибание мозгов и перевод человека на первую сигнальную систему приняты как система армейской подготовки. А что дала американцам такая подготовка во Вьетнаме?

«Без сознательного солдата и матроса...» — это Ленин. Его «Падение Порт-Артура» — фундаментальный труд, в нем все: техническая оснащенность, сознательность, тыл. Сознательность. Это значит, что я, политический работник армии, не только могу, но обязан говорить на равных с солдатом. Не только потому, что я сам был солдатом, но еще и потому, что уровень подготовки рядового всегда вполне может — в чем-то! — превышать мой. Нет, я не имею права «сыпаться» в дискуссиях, в беседах, которые провожу. Но я не могу представить себе тупого и сломанного солдата в нашем батальоне.

Однажды афганский военный советник пригласил группу командиров в гости. А тут пришло сообщение: банда из 156 человек, только что подготовленная, движется в нашем направлении. Они были прекрасно оснащены. Горные западногерманские очки, куртки-парки. Был страшный снег, метель бушует вовсю. Мы прошли один кишлак — ничего. Во втором началась стрельба. Я туда. «Эх, товарищ лейтенант, отпуск в опасности». Снег идет. В кишлаке за дувалами кипит подозрительная, странная жизнь. Выходим на последнюю улицу. Ощущение... мрачное. Я шел в группе замыкания. Вдруг кто-то крикнул из наших, обернулись: на крыше дувала силуэты — устанавливают станковый пулемет. Я запомнил: снег, тренога пулемета...

Наш солдат в Афганистане видит ясно лицо империализма. Политическая работа здесь не нуждается в специальном поиске примеров. Она наглядна. Вот поле, обработанное мотыгой. Тракторов мы видели немного. Вот бедность страшная. Вот человек, чей сын умирал, и он уже с этим было смирился. Вот пули. Вот смерть.

Обратно я летел с тем же экипажем Ил-18, с каким летел в Афганистан впервые... Когда летел в отпуск или поступать в академию, то возвращался весь в мыслях о ребятах, о делах, с бесконечной тревогой в ду[illegible] с желанием скорее прилететь. Теперь улетал совсем.

Я задал мои два вопроса отцу. Мы просто разговаривали о том о сем. И я решился. Он никогда не давал мне советов. Никогда не заводил «специального» разговора. Ни раньше, когда я был маленьким и когда детей положено «воспитывать» беседами, ни потом, когда я почувствовал, что все, что ни делаю,— это я рапортую отцу о себе.

Я спросил:

— Ты хотел, чтобы я пошел в воздушно-десантные войска?

— Да.

— Почему ты прямо не посоветовал?

— Не знал, выдержишь ли ты эту службу.

Я сказал:

— Отец, ты воевал. Ты посоветовал бы мне ехать служить в Афганистан?

...В конце концов он сказал: «Я рад, что выбор сделал ты сам».

Записала Н. ЧУГУНОВА

Постоянно совершенствовать формы и методы работы учреждений культуры и спорта. В организации досуга повысить роль самодеятельности, инициативы и творчества населения.

Из постановления ЦК КПСС «О мерах по улучшению использования клубных учреждений и спортивных сооружений».

О такой дискотеке можно только мечтать: спокойное освещение, хорошая музыка, уютная обстановка. У пульта ведущего одна пара с шиком и элегантностью показывает движения танца. Остальные повторяют с не меньшей элегантностью и щегольством.

Отзвучала последняя песня танцевального блока. Танцующие разошлись: расселись в креслах, расположенных кружком, устроились за столиками. Некоторые пошли в кухню и принесли себе и своим подругам тарелки с гуляшом или сосисками: почти как в столовой самообслуживания.

Ребята, которые ждали «лишнего билетика» у дверей этого берлинского клуба на Грюнбергштрассе, постепенно разошлись: клуб может принять только 70 человек, а желающих гораздо больше. Конечно, любители потанцевать могут пойти и в другое место, но в этой дискотеке им нравятся и музыка и обстановка. К тому же здесь можно недорого поесть, выпить лимонад, кофе. Да и цена входных билетов не превышает трех марок (около рубля.— *Прим. пер.*). Другие дискотеки дороже.

То, что билеты стоят недорого, объясняется просто: клуб принадлежит заводу ВЕБ Берлинер Бремсенверк, и завод выделяет из своих фондов 20 тысяч марок в год на организацию программ, еще 14 тысяч на отопление, освещение и прочее. А на обстановку и аппаратуру завод в самом начале выделил 195 тысяч.

Под клуб была отведена квартира на первом этаже жилого дома. Перестраива-

МИЛЛИОН ЛЮБИМЫХ

Петр ВЕСЕЛЫ, чехословацкий журналист

ли ее сами молодые рабочие завода и, когда меняли пол, обнаружили, что под квартирой есть погреб. Провели туда лестницу, так что получилось два этажа.

В этом бывшем погребе мы и встретились с руководством клуба. Директор и его заместитель — профессионалы, им платят зарплату, остальные восемь членов совета работают на общественных началах. Без них бы директору и заместителю не справиться: надо успеть и за порядком проследить, и убрать помещение, и приготовить еду — дел хватает.

Здесь, в клубе, я познакомился и с заместителем директора самого завода по экономическим вопросам Эберхардом Яном. Это моложавый спортивного вида мужчина лет сорока. Сюда он приходит часто, и не только потому, что ответственность за работу клуба и за программу — его обязанность, но и ради собственного удовольствия: тут он встречается с коллегами с других предприятий, обсуждает дела, конечно, и спортивные новости, и прочие обоюдоинтересные темы.

Мне показалось, что Эберхард Ян отличный психолог. Вот как он наладил отношения с жильцами дома.

— Здесь в основном живут пожилые люди,— говорит он.— Известие о том, что в доме будет дискотека, их, естественно, не обрадовало. Я предложил ребятам: «Для вас ведь не составит труда обойти квартиры и пригласить жильцов посетить клуб».

Приглашение было принято доброжелательно. Пришел даже девяностолетний герр Мюллер со второго этажа, который до этого несколько раз звонил Эберхарду и жаловался, что его раздражает, когда по вечерам под окном собираются стайки ребят и девушек. Герру Мюллеру в дискотеке так понравилось, что он сказал, что охотно проводил бы в клубе каждый вечер, но боится, не поднялось бы от этого давление.

— Конечно, мы понимаем, что одними приглашениями отношения не наладишь. Надо было, чтобы жильцы поняли — присутствие молодежи им полезно. Ребята установили дежурства и помогают пожилым людям починить розетки, принести

продукты из магазина, вымыть окна, заклеить их на зиму...

Детлеф Горн, директор клуба, добавил, что в комитете ССНМ (он входит в общезаводской комитет Союза свободной немецкой молодежи; секретари цеховых организаций ССНМ передают ему пожелания и предложения рабочих относительно программы и мероприятий клуба) вообще уделяют много внимания заботе о пожилых одиноких людях и дом, где находится дискотека, включен в список подшефных.

— В клуб могут приходить только рабочие вашего завода или каждый, кто захочет?

— Смотря какая программа. Кроме дискотеки, мы здесь проводим беседы, встречи с руководством завода, с учеными, спортсменами, устраиваем семейные праздники. Можно сказать так: тридцать процентов мероприятий мы проводим для сотрудников нашего завода, а семьдесят — для всех желающих. Обычно все же две трети посетителей — это заводские,— ответил Ральф Арнольдь, заместитель директора клуба.

— Вы сказали «семейные праздники» — значит, здесь можно справлять день рождения или свадьбу?

— Конечно.

— И сколько стоит снять помещение?

— Работники завода ничего не платят.

— Еще вы сказали, что проводите беседы, какие, например?

— По правовым вопросам, советы молодой семье, о сегодняшнем положении в мире. Эти беседы обычно бывают в перерывах дискотеки,— объяснил Эберхард Ян.— Ребята рассаживаются в кресла отдохнуть, начинается общий разговор, кто-то подбрасывает тему... Мы никогда не зовем лектора, чтобы он два часа читал заготовленный текст, а потом его поблагодарят, и все спокойненько разойдутся по домам. Никто, и молодежь тем более, не любит, чтобы его поучали. Мы приглашаем людей, которым интересно провести у нас вечер, высказать свое мнение, послушать других, и в то же время наш гость обычно умеет отвечать на вопросы, даже на не очень приятные. В дискуссии участвуют все, и длится она до тех пор, пока это интересно и нам и нашим гостям. А на выступления даже директору завода отводится не больше десяти минут.

— Работа в клубе — ваше партийное поручение?

Эберхард Ян усмехнулся:

— Почему же обязательно партийное поручение?

— Но тогда...— пробормотал я.

— Я руководящий работник, я не мог бы принимать нужные решения, если бы не участвовал в общественной жизни. И делаю я это отнюдь не ради служебной характеристики.

— Вы так говорите, будто это всегда само собой разумеется.

— Мало ли, как бывает где-то в других местах... Но у нас на заводе девять заместителей директора, и каждый, помимо прямых служебных обязанностей, отвечает за то, что вы назвали «поручением». У меня — клуб, у заместителя по техническим вопросам — станция юных техников, у заместителя по кадрам — шефство над школой. Например, ученики седьмых и восьмых классов подшефной школы ходят не только на завод на практику, но и сюда в дискотеку, учатся здесь танцевать, знакомятся с нашими молодыми рабочими.

— Дискотека составляет половину всех клубных мероприятий. Найдутся люди, которые скажут: конечно, прекрасно, когда молодые скачут, но не мешало бы прежде всего заняться воспитанием...

— А разве мы не занимаемся воспитанием? Развлекаться тоже можно поразному. И способ развлечения многое говорит о моральном уровне развлекающегося. А то, что нас кто-то попрекнет пятьюдесятью процентами дискотечного времени... Так ведь никто не подсчитал, какой политический эффект может иметь для общества тот факт, что молодые люди в культурной обстановке хорошо повеселятся. Не говоря уже о том, что к месту вставленная фраза иногда для парня или девушки имеет бóльший смысл, чем часовая лекция.

УРОКИ КУЛЬТУРЫ

Любой типовой проект микрорайона в ГДР предусматривает в центре бытовые службы и молодежный клуб. Так гласит закон: без служб и клуба проект не может быть принят. В старых районах молодежные клубы создаются в реконструированных зданиях и в помещениях, по тем или иным причинам непригодных для жилья.

Под крылом ССНМ — 9088 клубов. В один вечер они способны принять 400 тысяч человек. Это значит, что из каждой тысячи молодых 80—100 человек могут попасть в клуб. Учитывая, что интересы у молодежи разные и развлекаться каждый вечер все же не ходят, это очень значительное число.

В клубах работают на общественных началах, бесплатно, 100 тысяч молодых людей. Как правило, это члены клубного совета, без них вся работа бы заглохла.

О финансовых расходах заботится та организация, которой клуб принадлежит: местный совет, фабрика, завод или какое-нибудь другое учреждение, и финансовый план клубов входит как один из разделов в финансовый план этих организаций. Поэтому дотация всем культурным учреждениям устанавливается централизованно. На различные развлекательные мероприятия, в том числе дискотеки, республика ассигнует 24 миллиона марок в год, еще 6 миллионов марок — на клубы. Благодаря этим дотациям финансовый план, выручка от проданных билетов — для клубов не главное и клубные советы чувствуют себя вольнее, обдумывая свои программы и мероприятия.

— Как работники ССНМ относятся к дискотекам? — спросил я Манфреда Гюнзела, заместителя заведующего отделом культуры Центрального совета ССНМ.

— Все знают: молодежь любит музыку, любит потанцевать, любит посещать места, где можно познакомиться, завести новых друзей, повеселиться,— ответил Манфред Гюнзел.— А где еще она должна проводить время, как не в своих клубах? И кто установил, что лекция или семинар несут воспитательный заряд, а концерт, участие в самодеятельности и даже дискотека не имеют воспитательного значения? Ведь в том, как молодые ребята веселятся, тоже есть момент воспитания. Дискотека в клубе — это и есть, если хотите, урок культурного времяпрепровождения.

ИГРА ПО ПРАВИЛАМ

Молодежный клуб в Эрфурте расположен в квартале индивидуальных домиков. Посетители в основном постоянные. Но есть и случайные, зашедшие на огонек. У ведущего дискотеки особых сложностей с ними не бывает. Здесь есть неписаные, но строгие правила, и новичок быстро понимает, что придется ко двору, а за что и выставят за дверь. Члены совета, отвечающие за порядок, всегда неукоснительно вежливы и последовательны в своих требованиях: когда залы переполнены, туда не попадут даже их ближайшие друзья. Пронести в клуб бутылку с чем-нибудь крепким, бросить на пол окурок или положить ноги на стул — подобные привычки посетили уже давно забыли. Когда дискотека заканчивается, ребята, отвечающие за порядок, выходят на улицу и смотрят, как расходятся гости: не переносят ли веселье в давно спящий квартал? В клубе это называют правилами игры, их соблюдают и гости и хозяева. Как они возникли, мне рассказала Гизела Фишер, которая вместе с мужем руководит клубом.

— Раньше бывало, что ребята продолжали веселиться и на улице. Или вдруг кому-нибудь покажется страшно забавным утащить пепельницу и на трамвайной остановке устроить в ней маленький костер. Да мало ли что может взбрести в голову парню, которому хочется покрасоваться перед девушкой? Конечно, случалось это не так уж часто. Но ведь здесь живут и люди пожилые, больные, шум на улице для них означает бессонную ночь. Их опыт общения с молодежью не всегда был, как бы помягче сказать, положительным, что ли. У них сложился стереотип — шум среди ночи на улице? Это молодежь напилась в клубе и хулиганит. Вообще, мне не нравится, когда говорят о каких-то абстрактных молодых людях и пытаются обвинить их во всех неурядицах. Но чтобы спорить с

на стр. 18 ▶

КАК «БИТЛЗ» «СПАСАЮТ» УМИРАЮЩИЙ ГОРОД

Радек ЙОН,
чехословацкий журналист

Начинается это еще на вокзале и преследует, куда ни повернись. Гигантские надписи в витринах музыкальных магазинов: «Здесь «Битлз» покупали гитары». Колоссальный стенд: «Содовая вода Леннона». Над каждым ресторанчиком неон оповещает: «Здесь играли «Битлз», «Здесь все началось».

В фойе музея «Город «Битлз», открытого в апреле 1984 года, толпятся преданные поклонники 60-х годов: у одних длинные волосы, а на макушке, у кого сильно, у кого чуть-чуть, просвечивает лысина, майки с портретами «Битлз». Другие уже давно постриглись, надели стандартные костюмы, повязали галстуки, сюда приехали вспомнить мечты молодости. Родители привезли своих семнадцатилетних отпрысков: хотят показать им нечто такое, что трудно понять тому, кто этого не пережил. Японские туристы прилипли к стендам, где колонки цифр рассказывают, сколько «Битлз» заработали все вместе, сколько каждый по отдельности. В фойе продают фартуки, тарелки, зеркальца с портретами «Битлз», плакаты, фотографии, открытки, видеокассеты, пластинки, брелоки для ключей с пластмассовыми головами «Битлз», наклейки на чемоданы с портретами всех сразу или каждого в отдельности, брошюры «По следам «Битлз», «Брат о Поле», «Пол о себе» и тому подобные; для детей — кубики, лото, мозаика, чтобы из кусочков составить портреты Джона, Пола, Джорджа, Ринго; настенные часы, играющие четыре песни «Битлз», пластиковые сумки с надписями «Битлз» вернутся», «Битлз» навсегда». Дамские трусики с головой Джона, Пола, Джорджа, Ринго, фаянсовые кружки в форме их голов: откиньте волосы и можете пить из Джона, Пола, Джорджа или Ринго.

Сам музей все же немного исправляет первое впечатление, если посетителя не остановит цена входного билета — два фунта.

Ливерпудлийцы[1] несколькими фотографиями напоминают историю своего города, когда-то важнейшего порта Великобритании. В XIX веке через него проходило 46 процентов товаров всей мировой торговли, здесь были устроены первые в истории мореплавания доки, сюда пришла первая железная дорога, на его верфях строили такие морские гиганты, как «Титаник»...

Ливерпуль, когда-то второй по значению город Британии, давно утратил свое положение. Верфь пришла в запустение, а торговые корабли идут в более современные порты. Закрытие верфи привело к увольнению судостроителей, огромные складские помещения пустуют и постепенно разрушаются, многие торговые фирмы обанкротились. Обезлюдевшие припортовые кварталы, дома с заколоченными дверями, с выбитыми окнами создают устрашающие декорации города-оборванца. Это впечатление усиливается еще и от того, что Ливерпуль так и не залечил раны, нанесенные бомбардировками во время второй мировой войны: весь город покрыт пустырями, превращенными в свалки, поросшими крапивой и лопухами, а кое-где еще торчат остовы разбомбленных домов.

Потеря доверия со стороны предпринимателей — тяжелейшая утрата для ливерпудлийцев. За последние двадцать лет город покинула треть его жителей. Удар за

[1] *Традиционное произношение, принятое в Ливерпуле.— Прим. ред.*

ударом наносит концерн «Лукас», который закрывает свои заводы по производству деталей для электронных устройств. Закрылся автомобилестроительный завод «Лейланд», сокращают производство другие фирмы.

В довершение всего в апреле 1984 года городской совет вынужден был объявить себя банкротом, поступления в казну оказались намного меньше расходов. С первого апреля 1984 года Ливерпуль живет без бюджета, располагая только деньгами, которые удается заработать на «Битлз» и на сдаче в аренду киностудиям пустырей и развалин. Поэтому и такой ажиотаж вокруг знаменитой четверки. Поэтому и транспаранты на всех шоссе и железных дорогах зазывают посетить «город «Битлз»: «Эту поездку вы будете помнить всю жизнь». Поэтому столько объявлений в газетах, утверждающих, что «вас ждет такое множество захватывающих «Битлз»-приключений и «Битлз»-аттракционов, которых не было даже в пору, когда всемирно известная группа здесь выступала. Нет лучше времени для посещения родины «Битлз», нежели теперь».

По мысли отцов города, «Битлз» должны спасти Ливерпуль.

Абсурднее ситуацию трудно выдумать. В пору, когда они здесь выступали, местные власти отнюдь не баловали их вниманием, скорей напротив: мужи, заседавшие в городском совете, утверждали, что эти четверо портят молодежь своими «хулиганскими» выходками, развращают ее своими длинными волосами, подрывают общественную мораль своими едкими шутками. Еще в 1973 году власти распорядились снести «Каверну», сначала погребок, а потом клуб, где в начале 60-х четверо парней собирали толпы местных подростков. На месте «Каверны» была устроена стоянка для машин. Теперь, когда «Битлз» стали «нашими милыми земляками», члены городского совета рвут на себе остатки длинных волос, досадуя на такую недальновидность.

Двадцать с лишним лет назад «милые земляки» выступали в обшарпанных закутках в районе южных доков. С фотографий тех лет смотрят мальчишки с твердым взглядом, из рукавов черных кожаных курток торчат длинные руки, штанины — едва до лодыжек. Джон Леннон говорил: «Я так себя вел, что родители других ребят, в том числе и отец Пола, велели: «Не дружи с ним». Они инстинктивно чувствовали, что я чужак, что я не приспосабливаюсь и влияю на их дитятю, чтоб тоже не приспосабливалось...»

В музее есть видеозаписи важнейших выступлений «Битлз», газеты тех лет с их интервью, документальные фотографии и комментарии к ним. Сегодня они производят комический эффект. Что в 1963—1964 годах блюстители общественной нравственности называли «хулиганским» видом? Ведь к тому времени четверка уже была одета их менеджером Брайаном Эпштейном в довольно оригинальные, но на сегодняшний взгляд вполне приличные костюмы, и теперь они смотрятся как образцовые молодые люди, радость бабушек и тетушек.

Видеозаписи немилосердно обнажают наивность той поры, когда миллионы людей сходили с ума от четверки парней, игравших «еще бессмысленный поп», как позже без всякого почтения обозвал эту музыку Джон Леннон.

Но не надо нас, поклонников тех лет, судить слишком строго. Когда «Битлз» появились, все, что они делали, было внове. Музыка, одежда, прически, симпатичная дерзость, ливерпудлийский акцент. Они никогда не скрывали, кто они, откуда, из каких низов вышли, они нарушали все табу и отвергали все условности. В разгар славы они повернулись спиной к поклонникам и перешли от романтических текстов к реальностям жизни и конкретным проблемам, их отношение к ним было противоречивым, но искренним. Одновременно они отказались играть отведенную им роль в шоу-бизнесе и рискнули сказать о мире, в котором жили, все, что думали.

Джон Леннон: «Мы записали одну песню и хотели ее выпустить как сингал. Эта песня должна была выразить точку зрения «Битлз» на войну во Вьетнаме. Но Пол и Джордж были против. Они сказали, что, когда мы записывали песню, мы не учли разные детали. Но ведь когда работаешь над темой, не держишь в голове, что есть хит, а что не будет хитом. «Битлз» вполне могли тогда выдать пластинку со своим взглядом на эту войну. Что с того, был бы это золотой или деревянный диск. Эпштейн никогда не позволял нам говорить в интервью о вьетнамской войне. И не позволял журналистам спрашивать нас об этом. Во время одной поездки я сказал ему, что буду отвечать на вопросы о войне. Мы не имеем права ее игнорировать. Я твердо стоял на том, что «Битлз» должны прояснить свое отношение к этой грязной войне».

Поклонники заметили перерождение «Битлз» и восхищались присвоенным ими правом — каждым из них в разной степени — говорить обо всем, что видят вокруг себя. Однако в экспозиции музея об этом периоде нет никакого упоминания. В витринах можно увидеть гитару Харрисона, костюм Леннона, футляр от гитары Маккартни, в зале стоит автомобиль Ринго Старра, но, по правде говоря, гитара выглядит как все гитары на свете, футляр ничем не отличается от других футляров, автомобиль похож на все автомобили, и костюм такой, какими бывают костюмы. Только крышка пианино отличается от других крышек: Леннон, положив на край зажженную сигарету, забывал о ней, и теперь вся крышка в ожогах от сигарет. Это пианино немного напоминает о своем владельце, таком яростном и непоследовательном. Последний зал музея посвящен трагической гибели Леннона. Здесь для каждой новой группы посетителей включают запись его интервью и выступлений. Звучит насмешливый голос... «Вот я перед вами. И как вам нравлюсь? Все ли вы узнали про моих родственников? Удалось ли вам выведать все, что вы хотели? Не правда ли, семидесятые годы были ужасно нудными? Так попытаемся это исправить в восьмидесятых, не хотите?»

«Музей «Битлз»?! До этого он не дожил.

В ливерпудлийской картинной галерее рядом с экспозицией картин старых мастеров устроена выставка «Искусство, вдохновленное «Битлз», фотографии четверки, в том числе и те, что делали Линда Истмен, одна из наследниц фирмы «Кодак», а теперь Линда Маккартни, и Йоко Оно, теперь вдова Леннона; плакаты, афиши и рисунки к фильму «Желтая субмарина»; посредственные и ниже посредственных картины, выставленные только потому, что их содержание хотя бы косвенно имеет отношение к «Битлз». Плохие живописцы и скульпторы быстренько сообразили: стоит сделать портрет или скульптуру одного из «Битлз» и подарить Ливерпулю или продать по сходной цене, и открывается возможность завоевать известность, «получить имя». Выставка украшена и экспонатами такого рода: миндальный торт в форме гитары, на которой из крема сделаны фигурки Джона, Пола, Джорджа, Ринго. В середине одного из залов лежит громадный кирпич и на нем надпись: «Это подлинный кирпич из подлинного клуба «Каверна», где все началось».

В том же апреле 1984-го была открыта неподлинная «Каверна» и торговый центр вокруг нее. Принимать клуб всерьез невозможно, зданию от силы два года, и это новое насквозь стеклянное строение не имеет никакого отношения к «Битлз», кроме безвкусной скульптурной группы перед ним. В неподлинной «Каверне» есть небольшое бюро информации, где можно узнать обо всех достопримечательностях Ливерпуля, связанных с «Битлз». С бюро соседствует бар, оформленный в стиле 60-х годов. Во дворе парень с гитарой поет песни «Битлз» и собирает у прохожих мелкие монеты в фонд города. В торговом центре все для снобов, от галстуков до носков и шляп — каждая вещь с портретами «Битлз», которые должны свидетельствовать, что вещи куплены в очень дорогом магазине и стоят очень дорого. Нельзя сказать, чтобы дела здесь процветали.

Поклонников «Битлз», очевидно, больше всего привлекает поездка по местам, где проходило детство и

взросление знаменитой четверки. Автобус, раскрашенный во все цвета радуги с надписями по бокам «Волшебное таинственное путешествие», отправляется из центра прямо в район Токстес. Гигантский разбомбленный пустырь среди обшарпанных старых домов, почерневшие стены, забитые окна и двери. По приблизительным подсчетам, в Ливерпуле в аварийном состоянии находится более 100 тысяч домов. Грязные улицы, хрустит под ногами стекло, закрытые магазины, и мусор, мусор повсюду.

Даже в обнищавшем Ливерпуле Токстес поражает своей бедностью. Его жители работали в южных доках, где было занято 30 тысяч человек. В наши дни порт дает работу только двум с половиной тысячам. Безработица в Токстесе достигает страшных размеров и превращает весь район в трущобы, всюду царит мертвый дух запустения. 90 процентов молодых в Токстесе не имеют работы. Многие из них видят единственный способ добыть средства к существованию в кражах и грабежах.

Владельцы домов не видят смысла ремонтировать свою собственность, потому что деньги, которые в состоянии заплатить им квартиросъемщики, не возместят расходов на ремонт. Весь район — тоскливый фон для фильмов о военных действиях или волнениях в городе. Да здесь и были серьезные выступления цветного населения — пять лет назад и совсем недавно.

Черные живут в Ливерпуле еще с начала века, сменилось по меньшей мере шесть поколений. Говорят они с ливерпудлийским акцентом, их судьба связана с судьбой города. И на них обрушилась вся машина полицейских репрессий. Тогда, пять лет назад, в одну ночь сгорели целые улицы. Сгоревшие дома и магазины уже никогда не были отстроены.

Рассказы о преступности в Ливерпуле, о насилии на его улицах, о самой страшной в стране безработице, о самых грязных трущобах привели к тому, что туристы боятся останавливаться в гостиницах. Ливерпудлийцы очень огорчаются, что, даже заманив туристов именем «Битлз», они не могут полностью использовать открывающиеся возможности: большинство приезжих до наступления темноты спешит удрать и предпочитает переночевать в Манчестере и его окрестностях. Преступность — навязчивый кошмар для тех, кто не может или не хочет уехать из Ливерпуля. Сейчас с горькой ностальгией вспоминают, как в начале 60-х годов под влиянием «Битлз» преступность молодежи в городе упала до среднего уровня по стране. Банды подростков в те годы за одну ночь превращались в группы поклонников гитары, а их вожаками становились не те, кто мог ловчее ударить, а те, кто знал больше аккордов. И число проданных ножей и кастетов тогда падало день ото дня, а торговцы гитарами потирали руки. Давно уже в Ливерпуле если что и покупают, то чаще всего ножи и кастеты.

«До тех пор пока не будет положен предел преступности молодежи,— сокрушаются местные журналисты,— мечты о возрождении Ливерпуля с помощью славы «Битлз» останутся только мечтами». Но преступность можно ликвидировать только одновременно с безработицей, отвечают им социологи. В Ливерпуле необходимо возродить промышленность, построить новые фабрики, советуют экономисты. А кто будет строить эти фабрики? — спрашивает городской совет. Те, кто располагает капиталами, боятся доверить свои деньги любому делу, которое связано с именем Ливерпуля, и есть очень много гораздо более привлекательных с деловой точки зрения мест, где тоже нуждаются в капиталовложениях. К тому же рабочий класс здесь известен организованностью и умением защищать свои права в забастовках. А это в глазах капиталистов отнюдь не выглядит большим достоинством.

В каких-нибудь десятках метров от самых унылых улиц Ливерпуля родился Ричард Старки — Ринго Старр. Автобус останавливается, мы обступаем маленький домик с двумя окнами и входом прямо с улицы. «Квартира была без ванной и туалета. Она была такая плохая, что семья платила за нее всего семьдесят пенсов в неделю,— рассказывает гид.— Но и эта плата была для семьи велика, и они были вынуждены переехать в квартиру, за которую платили 50 пенсов в неделю». Сегодня поездка автобусом к дому, где жила семья Ринго, стоит больше их двухмесячной квартплаты. «И в новой квартире, разумеется, туалет был на улице, и как только у Ринго появились поклонники, они весь день торчали во дворе, чтобы поймать его и получить автограф». Отчим и мать не хотели уезжать из этого домишки и тогда, когда с ростом популярности Ринго поклонники осаждали уже не только двор, но и всю улицу. Они объясняли свое нежелание сменить квартиру просто: «У нас такие милые соседи, где еще мы найдем таких приятных людей».

Автобус останавливается перед домом, где Джон Леннон жил у тети. У нас мало времени, и мы осматриваем только фасад и крохотный палисадник. Мы уже видели Пенни Лейн, где Джон Леннон жил с матерью до того, как переехал к тете, и «Строберри филдс», сад и дом призрения, именем которого названа одна из песен Леннона. Решетка входной двери на замке.

Зато мы можем насладиться созерцанием домика Пола. «Жители Ливерпуля огорчены,— говорит гид,— что «Битлз» относятся к городу как к мачехе, а не как к родному. У них столько денег, что их бы не убыло, если бы немного помогли Ливерпулю». На мой взгляд, они делают для Ливерпуля вполне достаточно, когда закрывают глаза на тот кич, который тут продается туристам под знаком «Битлз». Но, может быть, я просто идеализирую былых кумиров? Во времена славы они всегда за хорошие проценты давали разрешение помещать свои портреты на сумках, обоях, матрацах, жевательных резинках, детских гитарах, свитерах и множестве других вещей. По-видимому, деньги были для них и тогда важны, вопреки тому, что думали об их бескорыстии поклонники.

Когда-то в разгар битломании Пол Маккартни сказал: «Я знаю, в один прекрасный день люди потеряют к нам интерес, тогда нам придется вернуться к нашим личным делам, а новые поколения будут одобрительно усмехаться — как это мы сумели сделать столько денег... С другой стороны, многие говорят, что мы работаем не ради денег. Про них все ясно — это идеалисты. Прежде я работал в двух местах, в таких, где может работать любой. Но обе работы были легче, чем теперь. То, что я делаю теперь,— это как в учебе: не можешь остановиться никогда».

Мать Пола умерла рано, воспитывал его отец. С самого начала он внушал, что Пол должен играть так, чтобы мог на это прокормить себя. Как только у Пола появились поклонницы, отец охотно принимал от них подарки «в уплату» за то, что доставал автографы сына. Между прочим, когда у Пола появились деньги, первая покупка не имела никакого практического значения: он купил чистокровного йоркширца (крупная белая порода свиней), давнюю мечту отца.

«На домик Джорджа у нас, к сожалению, уже нет времени,— сказала гид.— Это далеко от места, где жили остальные «Битлз». Так нашей фантазии была дана свобода представить, как жила семья водителя автобуса, которая могла тратить еженедельно пять фунтов и мечтать, чтобы Джордж стал электриком.

В заключение экскурсии гид предложила нам послушать знаменитые песни «Битлз», записанные на магнитофон водителем автобуса. Мы слушали, закрыв глаза, тем более что темнота скрыла картины «умирающего города», как называют англичане Ливерпуль. Большинство когда-то таких прекрасных песен «Битлз» теперь звучало как из иного мира и для иного мира — более любящего, дружелюбного, безопасного. Оптимизм, вера в человека, звучавшие в этих песнях, контрастировали с тем, что было за окнами автобуса, раскрашенного во все цвета радуги. Оптимизм этот казался наивным, мы слушали из восьмидесятых их, живущих по-прежнему в шестидесятых, как слушают взрослые детей, которым еще только предстоит встретиться с жизнью.

Перевела с чешского
Д. ПРОШУНИНА

со стр. 14 ▼

такими обвинениями, нужно быть уверенной, например, в том, что наши гости не шумели. И теперь такая уверенность у меня всегда есть.

— Случайные посетители не затрудняют вашу работу?

— Пока в клубе есть места, прийти может каждый, кто захочет. Ни для кого никаких привилегий у нас нет. Другое дело, что постоянные посетители для нас приятнее. Мы знаем, что можно друг от друга ожидать. Возникает атмосфера доверия, домашняя обстановка, что, по-моему, очень хорошо: ведь никому не придет в голову что-нибудь натворить в доме знакомых или друзей. В домашней обстановке люди и ведут себя естественнее, мягче.

— Получается, что руководитель клуба должен быть еще и психологом?

— Как сказать... Да вот пример: совет клуба разделен на три секции. Первая организует и обеспечивает программу; вторая заботится обо всем, что касается буфета: бутерброды, кофе, лимонад; третья обеспечивает порядок. Недавно в третью секцию мы приняли парня, который хотел работать именно в ней. Но очень быстро выяснилось, что он для этой работы не годится: он не умеет общаться с людьми спокойно, чуть что — начинает кричать. Даже если он прав, все равно так нельзя — он портил настроение на целый вечер. Однажды он пропустил в переполненный клуб свою знакомую без билета, а это у нас считается совершенно недопустимым. Проще всего было бы ему сказать: ты, мол, нам не подходишь, и перечислить все его грехи. Но я ему посоветовала посмотреть, как работают другие. «Если захочешь, через некоторое время можешь попробовать еще раз, наверное, получится»,— сказала я ему. Психолог я или нет, но какой смысл лишний раз обижать парня, отталкивать его?

В это время к Гизеле пришла молоденькая девушка о чем-то поговорить, а я пошел осматривать клуб. Красивое трехэтажное здание. В подвале устроено милое тихое кафе, где можно и поговорить и помолчать. На первом этаже зал для танцев, буфет и фойе для некурящих. На втором этаже — небольшая галерея произведений местных художников и комнаты для занятий кружков. На третьем этаже была квартира супругов Фишер.

Афиша у входа оповещала о плане работы: это и джаз-гимнастика (аэробика.— *Прим. пер.*), и дни пионерской игры, и вечер, посвященный пантомиме, несколько концертов самодеятельности, встречи с молодыми художниками, встречи школьников с представителями разных профессий, лекции...

Когда я вернулся в комнату Гизелы, девушка прощалась.

— Извините,— сказала Гизела,— мы можем продолжить наш разговор. У этой девушки дома неприятности.

— И часто вот так к вам приходят пожаловаться...

Гизела засмеялась и кивнула головой.

— А с какими жалобами чаще всего?

— Ну, например, что маме не нравится Вольфганг, Йорг или Юрген, спрашивают, что я о нем думаю. В таком возрасте, в шестнадцать-семнадцать лет, девушки иногда конфликтуют с родителями. Приходится уговаривать, порой встречаться с мамами, объяснять, что дочь взрослеет, нельзя относиться к ней как к ребенку. Вообще же я стараюсь с советами быть очень осторожной и в семейные дела не вмешиваться. Часто для девушек важно просто выговориться, кому-то довериться. К сожалению, в этом возрасте за помощью и советом к матери обращаются редко.

— А парни приходят к вам... поплакаться?

— Гораздо реже.

— И не в тягость вам эта роль утешительницы? Ведь и с клубом забот хватает.

— Мне не хотелось бы, чтобы мой ответ звучал как некое обязательное предписание: это просто моя точка зрения. Клубы для того и устроены, чтобы ребята не бродили неприкаянными по улицам, где никому до них нет дела до тех пор, пока не произошло ЧП. Клуб должен быть таким местом, которое молодежь любит и знает, что ее там тоже любят.

Перевела с чешского
Д. БОРИСОВА

Однажды я совершенно необычным образом обнаружил, в чем же заключается прелесть музыки для некоторых человеческих существ. Это открытие я сделал на выставке электроорганов. В программу моего визита входило посещение класса музицирования. Там я, к моему великому изумлению, обнаружил не одного, а восемь честолюбивых органистов, которые с деловым видом одновременно упражнялись на восьми инструментах. Не было слышно ни звука, поскольку каждый исполнитель был прикован к своему электронному зверю индивидуальными наушниками. Надо признать, зрелище жуткое даже для искушенного музыканта: представьте себе восемь взрослых мужчин, околдованных неким невидимкой. В тот день я понял, какими же чудными существами мы должны казаться нашим менее искушенным в музыке друзьям!

Мы, музыканты, не требуем многого. Все, что нам хотелось бы услышать от опытного исследователя, так это почему вот тот парень, сидящий в первом ряду, так захвачен концертом, в то время как его подружка тайком позевывает, или наоборот. Подумать только, сколько миллионов часов бесполезного корпения за нотными тетрадями можно было бы избежать, если бы какой-нибудь толковый генетик создал тест на музыкальную восприимчивость!

«Музыка доставляет удовольствие» — сие высказывание не вызывает никаких сомнений и вряд ли может стать предметом серьезной дискуссии. Однако само восприятие мелодий и ритмов остается одной из загадок нашего сознания: почему звуковые волны, достигая уха, вызывают потоки нервных импульсов, вливающихся в мозг, и создают приятное ощущение? И почему наши сердца начинают учащенно биться, ноги пританцовывают, а мысль устремляется вслед за музыкой в надежде успеть за всеми ее ходами — мы разочаровываемся и раздражаемся, когда не можем угадать направление ее полета, и ликуем, оказавшись на правильном пути.

В елизаветинскую эпоху (в Англии вторая половина XVI века.— *Ред.*) считалось, что любой образованный человек должен уметь читать ноты и принимать участие в исполнении мадригалов. Миллионы пассивных слушателей — это порождение нашего времени. Даже во времена моей юности любовь к музыке означала, что либо вы сами ее пишете, либо вас силком тащат туда, где ее исполняют другие, при этом вы теряете время и деньги, порой немалые, и ставите людей в неудобное положение. Сейчас все изменилось. Музыка стала настолько доступной, что практически невозможно уклониться от нее. Может быть, вы и умеете «просто так», между делом, слушать симфонии Брамса, а мне это претит: симфонии требуют сосредоточенности, а я могу сосредоточиться, только будучи в соответствующем настроении. Использование музыки для щекотания слуха в то время, как сознание занято чем-то другим, отвратительно каждому, кто серьезно относится к творчеству.

Поэтому музыка, к которой я обращаюсь в этой статье, предназначена для сосредоточенного восприятия. Обычно ее называют «серьезной» в отличие от легкой или популярной музыки. По-видимому, никто не знает, откуда возник этот термин, и все признают его неточность: очень часто «серьезная» музыка действительно серьезна, иногда невыносимо серьезна, но ведь она может быть и остроумной, веселой, саркастической, сардонической, гротесковой и иметь множество других оттенков.

Общественное признание так называемой «серьезной музыки» неоспоримо, однако сам термин все еще означает для широкой публики нечто непривлекательное и доступное лишь избранным. У этой публики профессиональные музыканты ассоциируются с масонами, скрывающими тайны своей ложи от непосвященных. Это совершенно неверное мнение. Механизм восприятия музыки одинаков и у профессионалов, и у непрофессионалов, поскольку в первый момент привлекательность произведения оценивается на первобытном уровне и определяющими выступают чистый ритм и красота звука. Музыкантам, вне всякого сомнения, льстит почтительное от-

Радости музыки

А. КОПЛЕНД,
американский композитор

ношение неспециалистов к их якобы совершенно особому пониманию музыки.

Я твердо убежден, что музыка в отличие от других искусств (за исключением, может быть, балета) доставляет удовольствие одновременно и на низшем, и на высшем уровнях чувственного восприятия. Наша любовь к ней связана с ее поступательным движением, и, если быть точным, эта любовь порождена ощущением потока звуков. Непрерывное поступательное движение музыки имеет двойное очарование: с одной стороны, оно создает впечатление остановки времени за счет расширения конкретного промежутка времени, а с другой — в тот же самый момент вызывает у слушателя ощущение того, что поток прокатывается мимо него со всей мощью и живостью большой реки. Остановка этого потока создает впечатление невероятной и немыслимой остановки самого времени.

Этот поток в значительной степени является производной музыкального ритма, а ритм, несомненно, ключевой элемент. У некоторых африканских племен ритм отождествляется с музыкой: их музыкальная культура не обременена никакими другими излишествами. Да, но какой это ритм! Слушая его невнимательно, невозможно почувствовать ничего, кроме уши раздирающей долбежки, однако ухо по-настоящему умудренного слушателя обязательно уловит многоцветье этого ритма. Сознание, способное постичь такие ритмы, отличается особой утонченностью, и его уж никак не отнесешь к разряду примитивных. Например, мы с вами обладаем лишь слабой врожденной склонностью к восприятию ритма, и для развития в себе таких способностей необходима до некоторой степени регулярная практика.

Вспомним Стравинского. То, что он сделал для европейской музыки, я называю «ритмической инъекцией»: его ошеломляющая «Весна священная», грянувшая в 1913 году,— настоящее ритмическое чудовище для первых слушателей — сейчас прочно обосновалась в концертных программах. Это говорит о прогрессе, происшедшем в сфере понимания и получения удовольствия от ритмических сложностей, которые приводили в замешательство наших дедов. И конца этому процессу не видно. Молодые композиторы подвели нас к пределу исполнительских и слушательских возможностей человека — настолько тяжело и тем и другим отслеживать ритмические рисунки их произведений. Печально это признавать, но тем не менее предел существует, и определяет его природа данного нам слухового аппарата. Но

и в этих пределах существуют огромные возможности для экспериментов с ритмом, при этом можно создавать такие ритмические формы, которые и не снились создателям марша и мазурки.

Другим основным элементом музыки является тембр, который может доставить удовольствие на самых различных уровнях восприятия — от наиболее примитивного до самого утонченного. Даже дети без труда отличают флейту от тромбона. Тембр некоторых инструментов имеет особую привлекательность. Я, например, всегда имел слабость к звуку, который издают восемь французских рожков, играющих в унисон. Их богатое чудесное звучание приводит меня в состояние восторга. Как композитор я получаю огромное удовольствие от составления тембровых комбинаций. С годами практики я заметил, что ни одна область искусства композитора так не поражает воображения дилетанта, как способность мастера улавливать оттенки тембра смешанных инструментов. Но вспомните: перед тем как мы их смешиваем, мы же слышим их по отдельности. Если вы посмотрите на партитуру, то заметите, что композиторы располагают инструменты на странице партитуры родственными группами: читая сверху вниз, принято располагать инструменты в следующем порядке — деревянные духовые инструменты, медные, ударные и струнные.

Как правило, при оркестровке современных музыкальных произведений стараются добиться чистоты и ясности звукового образа. Однако существует и другая сторона волшебной силы оркестровки: обработать произведение так, чтобы невозможно было сразу же расшифровать тембровую комбинацию, и этим придать произведению дополнительную привлекательность. И я счастлив, когда слышу такие необычные созвучия, которые заставляют меня удивляться: как же композитор сумел такого достичь?

Из всего сказанного об искусстве оркестровки вы можете сделать вывод, что все это не более чем восхитительная игра, которую композитор затевает ради собственного удовольствия. Конечно же, это не так. Тембр в музыке, равно как и цвет в живописи, имеет смысл лишь в том случае, когда он служит идее выражения; именно эта идея диктует композитору выбор схемы оркестровки.

В зависимости от индивидуальных особенностей характера композитора меняется его подход к решению тембровой окраски произведения. И вновь тот же поразительный Игорь Стравинский: начав в своих ранних балетах с режущих красных и пурпурных эмоциональных оттенков, в последние годы он добился аскетической серости тона, которая своей мрачностью воздействует на слушателя подобно ушату холодной воды. И напротив, если мы обратимся к партитурам Рихарда Штрауса, то здесь дело обстоит иначе — его произведения мастерские, своеобразные, но чрезмерно насыщенные благозвучиями, что напоминает немецкую кухню, имеющую склонность все фаршировать, и даже то, что в фаршировании вовсе не нуждается. К чему я это все говорю? Конечно, ни один дилетант не в состоянии продраться сквозь все хитрости, щедро разбросанные по страницам партитуры, однако совсем необязательно уметь анализировать тембровую гамму партитуры для того, чтобы наслаждаться ее блеском и изяществом.

До сих пор я говорил об общих источниках музыкального наслаждения. Сейчас же я хочу подробнее остановиться на музыке некоторых композиторов, чтобы показать, как она различается по степени своего эмоционального воздействия. Серж Кусевицкий, дирижер Бостонского симфонического оркестра, не уставал повторять своим музыкантам, что, если бы не существовало композиторов, они бы просто остались без работы. Он подчеркивал, что в нашем мире музыка говорит со слушателем языком композитора и половина получаемого нами удовольствия кроется в том, что мы внимаем мысли конкретного композитора, отнесенной к конкретному историческому моменту. Пока вы это помните, контакт с талантливым и самобытным мастером нотного стана вам обеспечен. И сколько существует композиторов, столько же и возможностей наслаждаться музыкой.

Позвольте мне отметить неизменно популярного и всеми композиторами любимого Джузеппе Верди. Абстрагируясь от его музыки, мне доставляет удовольствие просто сама мысль об этом человеке. Как приятно читать его письма, неожиданно сталкиваться со здоровой сущностью его крестьянского характера. Общение с его творчеством восстанавливает силы, вселяет новую веру в здоровый, крепкий дух.

В бытность мою студентом упоминание имени Верди в одном ряду с композиторами-симфонистами считалось дурным тоном, и уж не дай бог произнести его имя рядом с грозным демоном оперы Рихардом Вагнером. Чего же музыкальная элита не могла простить Верди? Его банальности и ординарности. Да, Верди временами банален и ординарен, но ровно настолько, насколько велеречив и скучен временами Вагнер. Ну и пусть банален, но ведь как подкупает горячая искренность Верди, она сметает все предубеждения! Это не обман и не хитрость — ни в одном из его произведений вы не найдете ни малейшего намека на дурной тон, произведения сбалансированы, им чужда двусмысленность, каждая нота на своем месте, а музыка необычайно эффектна. Она доступна всем и каждому, не нуждается в тщательном отборе для предполагаемого прослушивания. Что в этом дурного?

Я полагаю, что если бы потребовалось назвать композитора и музыканта, чье творчество практически лишено изъянов, любой не колеблясь остановился бы на Иоганне Себастьяне Бахе. Чем же вызвана глубоко волнующая острота его партитур? Я давно уже ломаю голову над этим вопросом и полагаю, что вряд ли кто в состоянии вразумительно ответить на него.

В творчестве Баха меня больше всего поражает удивительная честность. Это не просто честность отдельной личности, а символ всей музыкальной эпохи в целом. Бах вознесся на вершину, к которой музыкальная мысль стремилась с момента своего рождения, он стал наследником многих поколений безвестной музыкальной мастеровщины. Грандиозность, благородство и внутренняя глубина — этими нравственными критериями пронизано творчество сияющего гения. По-моему, невозможно понять, почему произведения Баха создают впечатление духовной целостности, вызывают чувство сопричастности к его глубочайшему проникновению в прекрасное. Мы можем только пытаться описать словами, что, кстати, совершенно безнадежно, непостижимое величие его музыки.

Тем, кого интересует связь, существующая между личностью композитора и его творчеством, стоило бы обратиться к столетию, следующему за веком Баха, и в частности к жизни и творчеству Бетховена. Английский музыкальный критик Уилфрид Меллерс, обращаясь к той эпохе, сказал о Бетховене: «Сущность личности Бетховена — человека и художника — заключается в том, что о нем надо говорить не только с позиции музыкальной критики». Меллерс имел в виду, что такая дискуссия неизбежно коснется прав человека, свободы человеческой воли, необходимо будет вспомнить и Наполеона, и французскую революцию, и другие вопросы, волновавшие умы современников композитора. Мы никогда точно не будем знать, каким образом исторические события повлияли на его мировоззрение, но несомненно, что его музыка была бы непонятной в начале XIX века, если бы не ее неразрывная связь с революционным характером той эпохи.

Бетховен внес в музыку три ошеломляющих новшества: во-первых, он по-своему перекроил само понятие искусства, подчеркивая скрытые психологические моменты. Благодаря ему музыка лишилась определенной доли невинности, но взамен открылись новые горизонты и появилась возможность глубокого психологического проникновения в сознание слушателя. Во-вторых, его собственный бурный и взрывной характер отчасти способствовал «драматизации музыки в целом». Рокочущие басовые тремоло, акценты в самых неожиданных местах, бесподобный даже на сегодня ритмический натиск и резкие динамические контрасты — все это стало олицетворением внутренней драмы,

которая придала его произведениям театральный характер.

Оба эти элемента — психологизм и стремление к драматизации — сложно связаны с третьим и, пожалуй, наиболее выдающимся достижением: с созданием музыкальных форм в таком диапазоне, равного которому музыка до сих пор не знала, но неизбежность которого, на мой взгляд, была неотвратимой.

Не так уж трудно представить себе, какое невероятное впечатление должны были производить музыкальные эксперименты Бетховена на первых слушателей. Даже сегодня, отдавая должное его великой музыке, я порой не могу себе представить, как этот человек «подавал» свое искусство широкой публике: вероятно, каждый находил в его произведениях что-то сугубо личное. Но, слушая внимательно, вновь и вновь невозможно не отметить некоторые странности его музыки. Чистый звук и минимальная приторность придают ей некоторую «сухость». Бетховен никогда не потворствует вкусам публики, его не интересуют ни желания, ни привязанности толпы. Его творчеству свойственны угрюмость и простота — надо признать это, отбросив в сторону всякое жеманство. Он категоричен и безапелляционен — его наиболее мощные произведения не оставляют слушателю выбора: могучий поток несет и швыряет его из стороны в сторону, заставляя подчиниться воле неистового гения. Именно это мы все и вынуждены с большим удовольствием делать.

Кроме всех вышеперечисленных свойств, творчеству Бетховена присуща еще одна ярко выраженная черта: его музыка обладает огромной притягательной силой. В чем же ее притягательность? На этот вопрос можно ответить вопросом — как может не увлекать и не волновать душевный жар и убежденность этого человека? Его самые выдающиеся произведения — это триумф, триумф веры в человеческую личность. Бетховен один из величайших глашатаев торжества человеческого духа — его творчество вызывает чувство причастности к размышлениям над трагизмом бытия. Его музыка пробуждает самые возвышенные чувства человеческой души, он призывает нас быть великодушными, мужественными, благородными, да, да, он призывает нас к состраданию. Этими заповедями проникнуты все его произведения, они держат нас в напряжении, и чем больше мы их слушаем, тем отчетливее постигаем заложенный в них глубочайший смысл.

Я подробно останавливаюсь на таких гигантах, как Бах и Бетховен, вовсе не потому, что якобы хочу предложить вашему вниманию лишь гениев и выдающихся творцов. Музыкальное искусство в том виде, в каком мы воспринимаем его сегодня, страдает от чрезмерного увлечения выдающимися произведениями старых мастеров, от излишней сосредоточенности на славе прошлого. Это сужает рамки нашего музыкального опыта и душит наш интерес к творчеству современников. Это перечеркивает заслуги многих прекрасных композиторов, чьим произведениям лишь немного не хватило, чтобы считаться совершенными. Мне кажется, справедливо было бы отметить, что предтечи Баха обладают таким трогательным очарованием и скромным изяществом, которых он не мог им противопоставить просто в силу выкристаллизовавшегося совершенства.

Часть удовольствия, которое получаешь от причастности к искусству, заключается в волнении, испытываемом от блуждания среди его хитросплетений, характерных для нашей эпохи. Однако странные вещи происходят в этой связи на ниве музыкального искусства. Те же самые люди, которые считают совершенно естественными споры и дискуссии, бушующие вокруг романов, пьес или полотен современных авторов, похоже, стараются избегать полемики на музыкальные темы. Создается впечатление, что непреодолимый интерес вызывают только известные композиторы, а новые имена почти никого не интересуют. Такие, с позволения сказать, любители музыки, я полагаю, вообще ее не любят, в противном случае они не лишали бы себя возможности оценить новый и необычный музыкальный эксперимент. К счастью, появляется все больше и больше отважных слушателей, не отступающих перед трудностями ради получения удовольствия от музыки.

Таких решительных слушателей нелегко запугать. Когда я сталкиваюсь с произведением, смысл которого не могу уловить мгновенно, я говорю себе: «Ну что же, я не понял этой музыки — надо послушать еще и еще раз». Вообще я не против активного неприятия некоторых современных произведений, но надо сознательно понять, в чем именно причина этой неприязни. Иначе появляется неприятный осадок невыполненного долга.

Однако это не решает проблем слушателя, который горит желанием понять современную музыку. Что же, голая правда такова: не существует магических формул и кратчайших путей к постижению неизведанного. Можно дать только один совет: расслабьтесь, это самое главное, и прослушайте то же самое произведение несколько раз — столько, сколько вам потребуется, чтобы докопаться до его истинного смысла.

Можно получить огромное удовольствие, открывая для себя произведения композиторов нового поколения. Об этом когда-то верно сказал французский критик Сент-Бев: «Я не знаю большего удовольствия для критика, чем понять и описать юное дарование во всей его свежести и неподдельной искренности, пока этот талант под влиянием каких-либо факторов не станет лакированным или, возможно, пойдет по коммерческому пути».

Современные молодые композиторы приводят в замешательство своих более старших коллег, смещая акценты и создавая новые идеалы. Возьмем, к примеру, электронную музыку. Для нее не нужны исполнители, музыкальные инструменты: требуется только магнитная запись и преобразование ее в электромагнитные колебания. При прослушивании результатов возникает чувство, что применительно к этому случаю мы должны расширить наши представления о том, что следует понимать под удовольствием от музыки. Нам будет необходимо принять во внимание диапазон звуков, который до сих пор не применялся в музыкальных произведениях. А почему бы и нет? Если вновь и вновь заново пересматриваются привычные представления, скажем, о природе, как можно предполагать, что музыка останется неизменной?

Дискуссию о наслаждении музыкой невозможно завершить, не сказав о джазе. Уверен, что кто-нибудь задаст вопрос: неужели джаз — это тоже серьезная музыка? Боюсь, вопрос задан слишком поздно. Независимо от того, серьезная музыка джаз или нет, от него отмахнуться нельзя, и совершенно ясно, что он доставляет удовольствие. Я полагаю, смущение происходит от того, что джазу стараются приписать качества, которыми он не обладает. Джаз не может быть аналогом серьезной музыки ни по степени эмоционального выражения, ни по глубине вызываемых им чувств, ни по универсальности музыкального языка. С другой стороны, джаз способен на то, что недоступно серьезной музыке: он предлагает такую форму общения, которая вызывает у слушателей подсознательные приятные ощущения, возможно, менее длительные, чем те, которые предлагает классическая музыка, но чувства всеобъемлющие и трепетные, доставляющие радость слушателям всего мира.

Лично я предпочитаю чистый и могучий джаз, как можно дальше отстоящий от коммерческого. Богатство гармоний и структур современной серьезной музыки оказало такое значительное влияние на молодых джазовых композиторов, что становится все труднее и труднее четко отделять джаз от неджаза. Перекрестное опыление этих двух музыкальных направлений имеет большие перспективы.

Мы попытались подробно рассмотреть виды удовольствий, которые музыка несет внимательному слушателю. Это искусство, не вдаваясь в отдельные специфические тонкости,— бальзам для человеческого духа. Это не убежище или избавление от реальности существования, а возможность тесного общения с лучшими образцами творения человечества. И к этому неисчерпаемому источнику может припасть каждый.

Сокращенный перевод с английского С. КАСТАЛЬСКОГО

Марк Твен — зеркало Америки

Ноэль ГРОУВ,
американский писатель

Почти год путешествовал я по стопам Марка Твена — на плоту по Миссисипи, на машине по Калифорнии, пешком по Коннектикуту. Столь долгое «врастание» в жизнь писателя привело к тому, что мне стал сниться твеновский сон: плот, на котором я плыву, подхватила стремнина и несет в непроглядную тьму (Твена часто посещало это видение). Но главным результатом изучения его творческой биографии была простая и ясная мысль: произошла ошибка.

Большинство американцев привыкло считать Твена детским писателем, создавшим картину идиллических проказ Тома Сойера и приключений строптивого Гека Финна. Учебники литературы трактуют его как романтика, патриота и наделенного неподражаемым юмором моралиста. Но мне открылся другой Твен — язвительный критик; мудрец, для удобства прикидывавшийся простаком; человек непоколебимой воли, стоически принимавший трагедии личной судьбы — гибель отца и брата, смерть жены и троих детей.

Сэмюэль Ленгхорн Клеменс рано познакомился с трудом. Пророческим образом это оказалось печатное дело — овдовевшая мать отдала 12-летнего мальчика в ученики типографу. А псевдонимом он взял восклицание речников-лоцманов: «Марк туэйн» — «вторая отметка», то есть две сажени, глубина, достаточная для колесного парохода. Что касается писательской глубины, то о ней свидетельствуют огромные тиражи его книг, читатели которых открывают для себя Америку.

Комета Галлея засверкала в небе в год рождения писателя, 1835-м, и вновь появилась 75 лет спустя, в год смерти писателя, вычертив на небе свой путь столь же ярко, как Твен — характер своих соотечественников.

— В твеновских книгах больше Америки, чем в сотнях других,— сказал мне хранитель дома-музея писателя в Хартфорде, штат Коннектикут.— Для этого их надо перечитать в зрелом возрасте.

Взрослый читатель может оценить, с какой тонкостью он показывает, как наши предприимчивость, инициатива и стремление к независимости оборачиваются эгоизмом, покорение земли превращается в закабаление людей, а отстаивание свободы вырождается в тиранию, в навязывание другим собственных представлений.

Твен поразительно современен. С каким сарказмом автор «детских историй» ополчился против религиозного лицемерия в «Письмах с Земли». Недаром они были опубликованы лишь в 1962 году, полвека спустя после смерти писателя. Другая его сатирическая вещь, «Молитва о войне», тоже вышедшая посмертно, звучит совсем актуально сейчас, когда мир объят тревогой перед лицом массированных военных приготовлений. Твеновский Джим едва ли не первый в литературе образ американского негра, лишенный сиропной жалости; это человек, исполненный благородства и чувства собственного достоинства.

Гек Финн плывет по реке с чернокожим рабом Джимом, ставшим его другом. Воспитанник церковной школы Гек верит, что душа его отправится в ад за то, что он спрятал беглого раба — чужую собственность. В классическом конфликте между моральными предписаниями общества и собственной совестью побеждает совесть. Беспризорник пишет донос на Джима, но потом рвет его: «Ну и ладно, пусть пойду в ад...»

Плот Гека плывет по Миссисипи сквозь все срезы американского общества. Те, кто в зрелые годы возвращается к «Приключениям Гекльберри Финна», с удивлением обнаруживают, сколько в этой книге подлецов, пьяниц, жестоких взрослых и тиранических юнцов — целая хроника человеческого зла, ускользающая от внимания детских глаз.

Река оставила неизгладимый след в душе Твена. Стоя в лоцманской кабине, он жадно впитывал рассказы о фантастических сделках, пиратских нападениях и линчеваниях, о золотоискателях, бродячих врачевателях, бесстрашных шерифах и обитателях прибрежных трущоб. Миссисипи была главной транспортной артерией молодой нации. В ста-

◀ *Редкая цветная фотография Марка Твена в мантии почетного доктора Оксфордского университета, 1907 год.*

рости Твен признает, что Река открыла ему все стороны человеческой натуры. Нигде больше он не смог бы встретить подобных персонажей, которые с фотографической точностью возникнут потом в его книгах и заговорят своим неподражаемым языком.

Когда начавшаяся гражданская война остановила речную торговлю между Севером и Югом страны, Сэму Клеменсу пришлось оставить ремесло лоцмана. «Я любил эту профессию больше, чем все, которыми занимался потом, и безмерно гордился ею. Стать лоцманом было мечтой мальчишек нашей деревни».

Его «деревня» — это городок Ганнибал в штате Миссури, ставший в книгах Твена Сент-Питерсбергом, родиной Тома Сойера и Гека Финна. Кто герои нынешних ганнибаловских мальчишек?

Ответить на этот вопрос мне помогла учительница местной средней школы миссис Дороти Хан.

— Мы дали ученикам седьмого класса задание вырезать из газет и журналов фотографии людей, которые, по их мнению, достойны подражания, и написать, каким образом этим людям удалось выбиться.

С разрешения учительницы я пролистал двадцать домашних работ. В пятнадцати из них восхищения оказались достойны люди, «заколачивающие деньги». Вне зависимости от профессии.

Однако если герои подростков меняются, то сами они, похоже, остаются теми же, что и сто пятьдесят лет назад. Свои ощущения от педагогического процесса Марк Твен передавал следующей фразой: «За время каникул у меня едва-едва успевала нарасти шкура на местах, куда было обращено учительское усердие».

Поборники дисциплины в Ганнибале по-прежнему убеждены, что благонравием учеников управляет седалище.

— Мы сохранили телесные наказания,— подтвердил 30-летний директор школы мистер Джек Рэш.— Но не допускаем произвола. Каждый случай нарушения дисциплины становится предметом разбирательства, после чего я пользуюсь вот этим предметом,— объяснил он, доставая из ящика резиновую подошву. Когда директор шлепнул ею по столу, я невольно подскочил, а за дверью наступила могильная тишина...

Покинув долину Миссисипи, Твен двинулся на Дальний Запад, где, по слухам, счастливцев ждали золотые горы. Восемь месяцев — этого срока оказалось достаточно для него, чтобы переболеть золотой и серебряной лихорадкой в Неваде. Оставшись без гроша, Твен находит место в газете «Территориел энтерпрайз», выходившей в городке Вирджиния-Сити. Сегодняшние его жители извлекают золото и серебро куда более верным способом — из карманов туристов. Игорный бизнес не требует адского старательского труда.

Два года спустя Твен прибыл в Сан-Франциско, где перед молодым журналистом открылось широкое поле деятельности.

— Интересно, о чем бы писал Твен сейчас,— задумчиво сказал мне редактор «Бэй гардиен», маленькой газетки, находящейся в оппозиции всему на свете, а потому не имеющей никакой финансовой поддержки, помимо энтузиазма сотрудников и горстки читателей.— Могу утверждать одно: разоблачения доставили бы Марку немало неприятностей. У нас не любят плохих известий.

Твен сполна получил свои неприятности: 120 лет назад ему пришлось покинуть Сан-Франциско. Статьи о безжалостной эксплуатации рудокопов-китайцев взбесили отцов города. Но нет худа без добра. Твен подался на золотые прииски в долину Сакраменто. Суровой зимой 1864/65 года в местечке Пристанище Ангелов он вел дневник, куда, помимо записей о дурной погоде и еще более дурной пище, заносил услышанные истории. Одна из них решила его судьбу.

Вот эта запись: «Колман. Прыгающая лягушка. Пари с чужаком на 50 дол. Чужак напичкал лягушку дробью и выиграл».

История в пересказе Твена обошла многие газеты Соединенных Штатов. Благодаря «Знаменитой скачущей лягушке из Калавераса» он стал профессиональным писателем.

Два года спустя ему представился случай взглянуть на Старый Свет. Из Нью-Йорка в Европу и Святую землю отходил пароход «Квакер-Сити». Впервые большая группа американских туристов отправлялась за океан — тоже своего рода веха в истории страны. Твену было поручено сопровождать их в качестве корреспондента одной калифорнийской газеты. Но читатели, ожидавшие туристских восторгов, были весьма удивлены поступавшими репортажами.

Собранные по возвращении в Штаты в книгу «Простаки за границей», эти заметки мгновенно стали бестселлером. Вот, например, мнение Твена о турецком султане: «Поставьте в любом месте капкан, и за ночь вы отловите дюжину людей, более пригодных для этой должности». Покидая Назарет, он оглядывает священный город, и тот кажется ему «сплошным жужжащим осиным гнездом». Однако самые язвительные насмешки достались соотечественникам, неколебимо уверенным, что «все лучшее растет, стоит и бегает в Америке». Цель их знакомства со Старым Светом лапидарно выразил один из туристов: «Я — американец и хочу, чтобы все об этом нали».

Среди пассажиров «Квакер-Сити» оказался молодой человек, с которым Твен подружился. Его звали Чарлз Лэнгдон из города Элмира, штат Нью-Йорк. Однажды Чарлз показал другу журналисту миниатюрный портрет своей сестры Оливии. Твен был заворожен ее лицом. Он остался на Восточном побережье, познакомился с Ливи и вскоре женился на ней. Оливия стала первым слушателем и придирчивым редактором всех его последующих сочинений.

В Хартфорде Твен построил дом с террасой, напоминавшей корму колесного парохода — дань воспоминаниям молодости. Там родились его дочери; в Хартфорде до сих пор жива миссис Петри, игравшая с детьми писателя без малого сто лет назад.

Вскоре после женитьбы Твен стал писать повесть о каникулах мальчика, которого он назвал поначалу Билли Роджерсом. Потом он сменил его имя на Том и стал готовить пьесу на эту тему. Наконец в 1876 году вышел «Том Сойер», книга, которую изучают сегодня в наших школах наравне с Декларацией независимости[1].

Девять лет спустя Твен написал «Приключения Гекльберри Финна», свою личную «декларацию независимости». Эта книга с поразительной полнотой вобрала в себя реальности и мечты американского общества. Спускаясь на плоту по Миссисипи в компании подростка, писатель ищет выхода из «крысиной гонки», на которую обрекли себя жители больших и малых городов.

...Когда мы с приятелем проплывали мимо Геркуланеума, в штате Миссури, на берегу собралось поглазеть на плот несколько мальчишек. До нас долетел крик:

— Вы кудааа?

— В Сент-Луууuис!

Последовала пауза, и снова:

— Долго будете плыыыть?

Течение уносило нас. Пускаться в объяснения по поводу работы, обязанностей, семейных и прочих дел, в которых запутался современный человек, было некогда. Я предельно упростил ответ:

— Пока не надоест!

Вначале, показалось, они не расслышали. Но вот до нас долетел неожиданный звук: мальчишки аплодировали.

Мне стало стыдно за то, что я обманул их. Надеюсь, они не прочтут этих заметок.

Перевел с английского М. ТИШИНСКИЙ

---

[1] *В наши дни в ряде школ и колледжей США изъяты из библиотек и запрещены для чтения учащимся почти все произведения Марка Твена и первые параграфы Декларации независимости, говорящие о равенстве всех граждан перед законом.— Прим. ред.*

НАША ФАНТАСТИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

«Говорить сегодня с Габриэлем Гарсиа Маркесом — это значит получить точное представление о социально-политической жизни Латинской Америки».

Газета колумбийских коммунистов «Вос пролетариа»

«...земляная его фантазия породила много бессмертных, перепачканных грязью и лавой людей из плоти и крови».

Пабло Неруда, чилийский поэт

ГДЕ ЭТА ПРОПАСТЬ ВО РЖИ?

«Поколения старшеклассников и студентов колледжей по-прежнему видят в «Над пропастью во ржи» свой гимн, свой эпос, по-прежнему черпают из книги свой юмор, свои словечки и по-прежнему считают ее своим манифестом, обвиняющим окружающий мир...

Герой романа Холден — это скорее всего современный и урбанизированный Гекльберри Финн. И Гек и Холден — они из породы хороших плохих мальчиков американской литературы. Подобно Геку, Холден стремится вырваться из цивилизации и вернуться к природе; подобно Геку, Холден бежит от респектабельности, обладает острым чувством справедливости, судит в соответствии с собственной моралью. Но прочнее всего связывает героя книги с его поколением то, что Холден, как и его создатель, проклинает и ненавидит «липу и притворство», как он это называет, и эта ненависть стала стержнем целой этической системы...»

Генри Грюнвальд, американский критик

НАША ФАНТАСТИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Габриэль Гарсиа МАРКЕС,
колумбийский писатель

...В Латинской Америке и странах Карибского бассейна художникам почти ничего не приходится выдумывать. Сложность их положения заключается как раз в обратном: как сделать, чтобы в реальность, которую они описывают, поверили. И так было всегда, с самого начала нашей истории: в нашей литературе нет писателей, которым бы меньше верили, но которые так стремились бы быть правдивыми, чем авторы хроник завоевания Вест-Индии. Дневники Христофора Колумба — старейший представитель литературы этого рода. Начать с того, что мы абсолютно не убеждены, действительно ли они существовали, поскольку до нас дошла их версия, принадлежащая перу падре Лас Касаса, который утверждал, что переписал их с известного ему оригинала. Во всяком случае, в этой версии не очень убедительно поданы ошеломляющие чудеса, которые Колумб вынужден был расписать, дабы убедить католических правителей в значительности своего открытия.

Колумб говорит, что люди, которые вышли встречать его 12 октября 1492 года, были «в чем мать родила». Другие хронисты также утверждают, что коренные жители Карибских островов, которые еще чувствовали себя в безопасности от христианской морали, разгуливали нагишом, что вполне естественно для тропиков. Тем не менее «образцы», привезенные Колумбом в королевский дворец в Барселоне, были одеты в разрисованные пальмовые листья и перья, в ожерелья, сделанные из зубов и когтей странных животных. Объясняется это, казалось бы, просто: первое путешествие Колумба вопреки его надеждам обернулось экономическим крахом. Он не только не нашел обещанного королеве золота, но и потерял бóльшую часть своих кораблей, он не мог привезти никаких доказательств огромной ценности своего открытия, да и вообще ничего, что могло бы оправдать столь долгое и дорогое путешествие. Так что он мог одеть своих пленников подобным образом только ради паблисити. Одним его словам вряд ли бы кто поверил: ведь лишь два века назад Марко Поло привез из Китая такие несомненные свидетельства, как спагетти и шелковичные черви.

Легенда об Эльдорадо — самая прекрасная, странная и решающая для нашей истории. В поисках этой воображаемой земли конкистадор Гонзало Хименес де Кесада завоевал почти половину того, что сегодня является Колумбией, а Франсиско де Орельяна открыл Амазонку. Что еще более фантастично, он открыл ее, плывя от верховий реки к ее устью, в направлении, противоположном тому, по которому открывались обычно все реки. Но Эльдорадо останется загадкой на все времена. Точно так же никто, видно, ничего и никогда не узнает о тех одиннадцати тысячах гуанако, которые, с грузом в 100 фунтов золота каждый, были посланы однажды из Куско, чтобы заплатить дань правителю инков Атаульпе, но так и не прибыли в пункт назначения.

Подобное легковерие конкистадоров вполне объяснимо, если вспомнить царившую в те века метафизическую лихорадку и литературную горячку, с которой воспринимались рыцарские романы. Только этим может быть объяснено причудливое приключение Альваро Нуньеса Кабесы де Вака, целью которого было нечто более благородное и поэтичное, нежели золото Эльдорадо: его экспедиция искала источник вечной молодости.

С какой стати Писарро, начитавшийся романов, в которых говорилось о мазях, коими достаточно было помазать головы некоторых рыцарей, чтобы они тут же приросли назад к телу, должен был усомниться, когда ему в XVI веке рассказали в Кито о некоем королевстве совсем неподалеку, где три тысячи ремесленников с утра до ночи

заняты производством мебели из чистого золота и где к королевскому дворцу ведет основательная золотая лестница, охраняемая золотыми львами на золотых цепях? Львы в Андах! Нуньесу де Бальбоа тоже рассказали подобную историю, вследствие чего он открыл Тихий океан. Писарро ничего особенного не открыл, но степень его легковерия может быть измерена объемами экспедиции, которую он снарядил для поисков невероятного королевства: 300 испанцев, 4 тысячи индейцев, 150 лошадей и более тысячи собак, натренированных, чтобы охотиться на людей.

Одна из самых серьезных проблем, которую наша беспредельная реальность ставит перед литературой,— неадекватность слов. Когда мы говорим о реке, европейский читатель не в силах представить себе ничего более грандиозного, чем Дунай, длина которого 2850 километров. Ему трудно представить, пока не опишешь, реальность Амазонки, длина которой семь с лишним тысяч километров. У Белена дель Пара наша река шире, чем Балтийское море. Когда мы пишем слово «гроза», европейцы представляют себе громы и молнии, но им трудно вообразить феномен, который мы имеем в виду. То же самое происходит со словом «дождь». В Андах, по свидетельству француза Жавье Маримира, проливной дождь идет без остановки пять месяцев. «Те, кто не видел таких гроз,— пишет он,— не могут представить себе их ярости. Молнии следуют одна за другой бесчисленные часы, будто водопады крови, и атмосфера дрожит от бесконечных громов, которым эхом отзываются бесконечные горы». Это описание трудно назвать мастерским, но и его достаточно, чтобы даже самый недоверчивый европеец вздрогнул от ужаса.

Чтобы полностью передать всю беспредельность нашей реальности, нам пришлось бы создавать новые слова. Эту необходимость подтверждают бесчисленные примеры. Ф.-В. Ап де Графф, голландский путешественник, который в начале этого столетия исследовал верховья Амазонки, пишет, что он нашел источники такой горячей воды, что достаточно было пяти минут, чтобы опущенное в них яйцо сварилось вкрутую, и что в некоторых местах достаточно было сказать что-либо в полный голос, чтобы вызвать ливень. Где-то на карибском побережье Колумбии я встретил человека, вознесшего немую молитву перед коровой, у которой в ушах были черви. Когда он кончил, я увидел, как дохлые черви посыпались из коровьих ушей. Человек этот уверял, что он может вести подобные курсы лечения и на расстоянии, достаточно лишь описать ему животное и местность, где оно находится. 8 мая 1902 года проснулся вулкан Пеле на Мартинике. Он разрушил порт Сент-Пьер за несколько минут, похоронив под лавой 30 тысяч обитателей города. За исключением одного: Людгара Силвариса, который был единственным в этом городе заключенным. Его спасли крепкие стены камеры, которую построили специально для того, чтобы он не мог сбежать.

Мне понадобились бы целые тома, чтобы описать невероятную реальность Мексики. Я живу здесь вот уже двадцать лет и до сих пор провожу целые часы (и занимаюсь этим постоянно), созерцая горшок с прыгающими бобами. Положительные рационалисты говорили мне, что подобная мобильность бобов объясняется тем, что в них поселились живые личинки. Это объяснение не кажется мне удовлетворительным. Чудо ведь не в том, что бобы двигаются потому, что в них есть личинки: чудо в том, что личинки поселились в бобах для того, чтобы бобы могли прыгать.

Немыслимая реальность достигает максимального размаха на Карибских островах. Здесь к начальным элементам — примитивным мифам и магическим верованиям — примешалось столько щедрых культурных наслоений; все это слилось в магическое единство, чье художественное плодородие просто неисчерпаемо. К тому же смесь удачно приправлена африканской мощью и негодованием. На этом перекрестке миров было выковано чувство безграничной свободы, реальности без бога и закона, где всяк и каждый полагал, что может делать все, что угодно: воров вдруг осеняло, что они короли, изгнанники казались себе адмиралами, а куртизанки — губернаторскими женами. И наоборот.

Я родился и вырос на Карибском побережье. Я знаю этот мир — каждую страну, каждый остров, и вот что меня больше всего разочаровывает: ни со мной не случалось ничего, что было бы ужаснее реальности, ни я сам не мог ничего такого придумать. Максимум, на что я был способен,— изменять реальность поэтическими средствами, и все же ни в одной из моих книг нет ни одной строчки, не подтверждаемой фактами. Одной из таких моих попыток изменить реальность был поросячий хвостик, причинивший столько беспокойства членам семейства Буэндиа из «Ста лет одиночества». Я мог бы придумать что угодно, но мне показалось, что если я придам новорожденному поросячий хвостик, то это в меньшей степени совпадет с действительностью. Тем не менее, как только роман получил известность, в разных частях обеих Америк стали появляться признания обладателей хвостика. В Барранкилье один молодой человек заявил об этом через газету. Его объяснение по этому поводу было даже еще более удивительным, чем сам хвостик. Он был рожден с хвостиком, но никогда и никому его не демонстрировал, пока не прочитал «Сто лет одиночества»: «Я не хотел об этом никому рассказывать, потому что мне было стыдно,— сказал он.— Но теперь, прочтя роман и послушав тех, кто его тоже читал, я понял, что это совершенно естественная вещь». Вскоре после этого один читатель прислал мне газетную вырезку, в которой говорилось о девочке из Сеула. Она тоже родилась с хвостиком, но вопреки тому, что я предполагал, когда писал роман, девочке хвостик отрезали, и она осталась жива.

Подготовка к «Осени патриарха» была самой сложной в моем писательском опыте. Почти десять лет я читал все, что мог найти, о латиноамериканских диктаторах и особенно о тех, кто тиранил в Карибском бассейне, чтобы книга как можно меньше напоминала жизнь. Но на каждом шагу я натыкался на разочарования. У венесуэльского диктатора Хуана Висенте Гомеса была такая интуиция, что перекрывала любой пророческий дар. Гаитянский диктатор доктор Дювалье изгнал из страны всех черных собак, потому что один из его врагов, пытаясь спастись от тиранских преследований, покинул человеческую обо-

лочку и прокрался в тело черной собаки. Доктор Франсиа, чей престиж мыслителя был так широко известен, что он удостоился быть описанным Карлейлем, закрыл республику Парагвай, как если бы это был его собственный дом, оставив открытым лишь одно окошко, через которое передавалась почта. Наш Антонио Лопес де Сантана похоронил свою собственную ногу, сопровождая похороны пышными почестями. Отрубленную руку Лопе Агирре пустили вниз по реке, и каждый, кто видел ее, дрожал от страха, полагая, что ужасающая рука еще способна размахивать ножом. В патио Анастасио Сомосы Гарсиа был зверинец с клетками, разделенными на две части легкой решеткой: в одной половине находился дикий зверь, во второй — политический противник Сомосы. Максимилиан Эрнандо Мартинес, сальвадорский диктатор-теософ, приказал надеть на все уличные фонари красные бумажные колпаки, дабы побороть эпидемию кори; так же он ввел маятник, который держал над пищей, перед тем как съесть, таким образом он полагал определять, отравлена ли еда. Статуя Морасана [1], которая все еще стоит в Тегусигальпе, в действительности является статуей маршала Нея: когда официальные лица прибыли в Лондон, чтобы заказать нужную скульптуру, они пришли к выводу, что дешевле купить уже готовую и забытую на складе, нежели тратиться на настоящего Морасана.

Короче, мы, писатели Латинской Америки и Карибского бассейна, должны положа руку на сердце признаться, что действительность гораздо лучший писатель. Наш удел и, возможно, наша слава в том, чтобы попытаться имитировать ее со всей смиренностью, приложив к этому все способности.

Перевод Н. ТУМАНСИНОЙ

---

[1] *Франсиско Морасан — государственный и военный деятель Центральной Америки. В 1828 году возглавил армию и при поддержке прогрессивных сил освободил Гондурас, Сальвадор и Гватемалу от деспотического правления. Казнен реакцией в 1842 году.— Прим. ред.*

ГДЕ ЭТА ПРОПАСТЬ ВО РЖИ?

Жан-Франсуа ФОЖЕЛЬ, французский журналист

Был конец марта, вечерело. Я ехал вдоль берега Коннектикута и вдруг сбоку с проселочной дороги выскочила «тойота». Через какую-то секунду развилка осталась позади, и тут я понял, что человек, сидевший за рулем «тойоты», Джером Сэлинджер. То, что мне так неожиданно повезло, по-видимому, удивило меня куда меньше, чем то, что я сразу же его узнал, хотя никогда с ним раньше не встречался, а последний раз он согласился, чтобы его сфотографировали, добрую четверть века назад.

Тут бы самое время рассказать все по порядку, всю историю Сэлинджера. Как в пятидесятых годах он сделался самым популярным американским писателем, как потом исчез в неотлучном и непонятном затворничестве и как вслед за легендой о прославленном писателе родилась другая — об отшельнике, бегущем света. Но если писать все как есть, признаюсь, что истории у меня никакой нет, да и едва ли вообще есть такая штука, как история Джерома Дейвида Сэлинджера, опубликовавшего единственный роман за всю писательскую жизнь длиной в четыре книги. Так что речь здесь пойдет о молчании того самого человека, чей взгляд — темные, потихоньку увеличивающиеся зрачки,— я угадывал в зеркале заднего вида. Мы оба ехали на юг.

Дороги в этом краю так и не просыхают после зимы. Живет Сэлинджер в местечке Корниш, штат Нью-Гэмпшир, на самом высоком из склонов, где водопады, сосны и клены и еще обрывы. Дом стоит в глухом лесу, окруженный стеной с единственными воротами — перед гаражом. Оттуда, из гаража, по бетонному переходу можно попасть в дом. За забором слышен лай собак. Посреди пейзажа, который по осени, наверное, щедро одаривает фотографов, снимающих для цветных календарей, эта «тюрьма» на обочине грунтовой дороги за чертой приземистого городка выглядит тоскливо и непонятно. По мере того как «тойота» нагоняла меня, росла моя растерянность. Сэлинджер оставил свою «тюрьму»?

Всякому, как ни крути, выпадает в жизни искать себе убежище от людей. Но Сэлинджер взялся за это дело с настойчивостью, которая в наш век может послужить величайшим образцом выдержки. Все, что о нем известно, это то, что его интеллектуальный коэффициент гораздо выше среднего, что у него нет высшего образования и что он участвовал во второй мировой войне, высадился с десантом в Нормандии, а вскоре после освобождения Франции женился, говорят, на француженке. Остальное, после выхода в свет 28 новелл,— успех и бегство.

Его фотография исчезла с обложки уже третьего издания «Над пропастью во ржи». Эта сага о Холдене Колфилде увидела свет в июле 1951 года и одарила тех, кто ее прочел, почти что мистической верой в светлый разум ее автора. Не дав тогда ни одного интервью, не подписав ни одного автографа, Сэлинджер бросил Нью-Йорк, уехал в Ньюпорт, а оттуда в 1953 году перебрался в Корниш. С тех пор у него вышло всего семь новелл, последняя из которых появилась ровно двадцать лет назад, в 1965 году, в еженедельнике «Нью-Йоркер». Но всякое молчание оплачивается ценой одиночества, а забвение — награда, которую приходится долго ждать.

«...Как бы спокойно, умно и благородно я ни научился жить, все равно до самой смерти я навек обречен бродить чужестранцем по саду, где растут одни эмалированные горшки и подкладные судна и где царит безглазый слепой деревянный идол — манекен... Непереносимая мысль — хорошо, что она мелькнула лишь на секунду». (Дж. Сэлинджер, «Голубой период де Домье-Смита»)

Когда убили Джона Леннона, я больше думал о Сэлинджере, чем о «Битлз»: на месте преступления убийца зачитывал полицейским «Над пропастью во ржи». А ведь несколькими месяцами раньше, в июне 1980-го, Сэлинджер сказал в интервью: «Холден Колфилд — это всего-навсего застывший миг времени». И первый раз в жизни разочаровал тех, кто зачитывался его романом.

Он сказал это как раз у того поворота, который только что проехали наши автомобили, сворачивая на деревянный мост по дороге в Уиндзор, штат Вермонт. Это очень старый мост, срубленный еще в 1796 году. Сохранилась табличка: «Пусти коня шагом или штраф два доллара». Бетти Эппес, журналистка из Луизианы, послала тогда Сэлинджеру записку и, ничего не объясняя, попросила его прийти к мосту. Все лето она пыталась устроить себе встречу с Сэлинджером. Кое-что у нее из этой затеи все же получилось. Немного, правда,— зря она до сих пор хвастается, будто у нее в банковском сейфе лежит целая катушка магнитофонных записей. И так понятно — из той беседы она не узнала больше того, что опубликовала: во-первых, автор отказывается говорить о своих книгах, во-вторых, он не хочет больше ничего публиковать. И еще вот это признание: «Я устал от того, что меня отлавливают в лифтах, останавливают на улице, приходят к моему дому. Тридцать лет назад я ясно объяснил, чего я хочу: я хочу, чтобы меня оставили одного, совершенно одного. Я люблю писать и уверяю, что пишу регулярно. Но пишу для себя, ради своего удовольствия. И поэтому хочу, чтобы меня оставили одного».

Людей, охраняющих его одиночество, много. Живущий поблизости конюх сказал так: «Мосье, добро пожаловать в наши края, но на мою помощь не рассчитывайте». Дороти Холдинг, нью-йоркский литературный агент Сэлинджера, исправно отвечает во всех письмах, что ее клиент просил не пересылать ему никакой корреспонденции.

Его сын, Мэттью, киноактер, как-то сказал: «Во мне все кипит, когда я узнаю, что его кто-то там беспокоит. Мой отец не желает жить в обществе». И конечно же, адреса Сэлинджера нет в справочниках, на дверях его дома нет почтового ящика, а во всей округе царит закон молчания. Сэлинджер порывает с любым из своих знакомых, если тот встретился с журналистами.

За мостом, направо от светофора, муниципальная библиотека. Ее заведующая оказалась первым человеком, кто рассказал хотя бы то немногое, что ей известно: «Он заходит к нам раз-два в году, смотрит книги, ни одной не берет. Спросишь, не нужно ли помочь, говорит «нет» и уходит».

Иногда он ужинает в ресторане с сыном или дочерью. Столик заказывает на другую фамилию. Покупки выписывает по почте. Когда к нему обращается кто-то незнакомый, поворачивается и уходит, не проронив ни слова...

У светофора «тойота» остановилась рядом со мной. Нет, Сэлинджер не изменился, такой же, как на последней фотографии: поседел, но ни одной морщины, те же глаза навыкате. Красив, подтянут. Едва он заметил, что я внимательно его разглядываю, на щеках у него обозначились ямочки. Загорелся зеленый, и он поспешил свернуть направо, на центральную улицу Уиндзора.

Городок расположился вокруг дюжины лавочек, ни в одной из которых нет ни одного из 400 тысяч экземпляров «Над пропастью во ржи», ежегодно покупаемых американцами (во всем мире тиражи переводов на 23 языках уже давно не сосчитать). Ни одного экземпляра вышедших вслед за романом трех сборников повестей: Сэлинджер мог не опасаться встречи со своим прошлым. Хотя, конечно, не мог не знать, что у кого-то в этих домах наверняка есть двухтомник тех его рассказов, издавать которые он отказался. Один из его учеников без его ведома все-таки выпустил в 1974 году в Сан-Франциско несколько тысяч экземпляров. Теперь этот двухтомник ходит по рукам в ксерокопиях...

Единственная достоверная информация в этой статье, где, как читатель уже заметил, всего-то и происходит, что в конце зимы по дороге Нового Света едет автомобиль, будет такой: на нынешний день у Сэлинджера готовы к публикации семь рукописей. В своем последнем интервью перед самой смертью Трумэн Капоте с присущей ему едкостью сказал, что «Нью-Йоркер» по причине их «странности» эти рукописи принять отказался. Как выяснилось, никаких рукописей «Нью-Йоркер» не получал. Молчание Сэлинджера — молчание абсолютное, и ни один читатель не имеет права его нарушить; мой редактор, правивший эту статью, в конце концов тоже понял, какой большой риск был посылать через всю Атлантику почитателя Сэлинджера. Все равно что искать морщины на лице Холдена Колфилда.

Тогда я, правда, этого еще не знал и только догадывался, глядя, как Сэлинджер поднимается на почту, куда регулярно ездит забрать из своего абонентного ящика письма. Я припарковал машину и побежал за ним. Но два десятилетия молчания — много для одной жизни. В жизни художника они оборачиваются болезненным монолитом, пытаться скрести по которому ни к чему. И все же я поднялся наверх по четырем ступенькам. Осталось открыть две двери.

— Что вам угодно?

Конечно, Сэлинджер, а теперь еще и этот нелюбезный почтовый служащий, только половинка которого торчала из-за весов на конторке, еще раньше приметили меня. Сэлинджер был прекрасен, высок, в нем чувствовалось сознание всех преимуществ высокого роста. Темная кожаная куртка. Одна штанина непокорно вылезала из высоких мягких сапог — настоящий охотник-траппер. Я все пытался и никак не мог вспомнить тариф авиапочты в Европу.

— Дайте мне марку за сорок четыре цента.

— Собрались написать далекому-далекому другу?

— Почти угадали,— пришлось согласиться мне, и, пока я отсчитывал мелочь, Сэлинджер, заметивший мой акцент, уже выходил, вернее, выбегал с озабоченным видом, какой бывает у людей, которые никак не могут убежать от самих себя.

Перевел с французского
С. КОЗИЦКИЙ

Невероятная кража

Агата КРИСТИ,
английская писательница

ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Пуаро нетерпеливо позвонил и попросил прислать к нему мадемуазель Леони. Он внимательно осмотрел ее с головы до ног: скромная, в черном платье, с аккуратно разделенными на пробор черными волнистыми волосами и застенчиво опущенными глазами. Он одобрительно кивнул головой.

— Вы знаете,— сказал Пуаро,— я нахожу, что вы, мадемуазель Леони, очень миловидны.

Реакция Леони была мгновенной. Она метнула взгляд исподтишка и тихо проговорила:

— Мосье очень добр.

— Подумайте только,— продолжал Пуаро,— я спрашиваю мистера Карлайла, хорошенькая ли вы девушка, а он отвечает, что не знает!

Леони презрительно вздернула подбородок.

— Да он, наверное, за всю жизнь не посмотрел ни на одну девушку.

— Вероятно, нет. А жаль. Он много потерял. Но в этом доме есть другие, кто умеет лучше ценить красоту, не так ли?

— Право, я не знаю, на что намекает мосье.

— Прекрасно знаете, мадемуазель Леони. Миленькую историю вы вчера вечером сочинили о привидении! Как только я узнал, что вы стояли там на лестнице, подняв руки к волосам, я сразу понял, что привидение тут ни при чем. Если девушка пугается, она прижимает руки к сердцу или поднимает их ко рту, чтобы не закричать, но если она поднимает руки к волосам, это означает нечто другое. Это значит, что у нее растрепаны волосы и что она поспешно приводит их в порядок! А теперь, мадемуазель, говорите правду. Почему вы кричали на лестнице?

— Но, мосье, правда, я видела фигуру, всю в белом...

— Мадемуазель, не думайте, что я настолько глуп. Эта история сойдет для мистера Карлайла, но она недостаточно убедительна для Эркюля Пуаро. В действительности вас в этот момент поцеловали, не так ли? И я могу высказать догадку, что поцеловал вас мистер Регги Каррингтон.

Леони посмотрела ему прямо в глаза.

— О!— воскликнула она.— Что такое один поцелуй, в конце концов.

— В самом деле,— галантно поддакнул Пуаро.

— Дело было так: молодой джентльмен спускался по лестнице следом за мной, он обхватил меня за талию и, понятно, напугал, и я закричала. Если бы я знала... ну, конечно, я не стала бы кричать.

— Конечно,— согласился Пуаро.

— Но он подкрался бесшумно, как кошка. А потом открылась дверь кабинета и вышел мосье Карлайл, и молодой джентльмен улизнул наверх, а я осталась как дурочка. Понятно, мне надо было что-то сказать!

— И вы придумали привидение?

— Что делать, мосье, больше мне ничего не пришло в голову!

— Итак, теперь все объяснилось. Я подозревал это с самого начала.

Леони провокационно стрельнула глазками.

— Мосье очень умен и очень любезен.

— А поскольку я не собираюсь устраивать вам неприятности из-за этой истории, не сделаете ли и вы кое-что для меня?

— С охотой, мосье.

Окончание. Начало см. в № 8—11 за 1985 год.

— Насколько вы осведомлены в делах своей хозяйки?

Девушка пожала плечами.

— Не слишком, мосье. Конечно, я кое-что вижу.

— Что же вы видите?

— Я, например, замечаю, что друзья мадам всегда военные, или моряки, или летчики. Потом есть еще и другие друзья — иностранные джентльмены, которые приходят к ней иногда потихоньку. Мадам очень красива, хотя я не думаю, что красота ее долго продержится. Молодые люди находят ее очень привлекательной. Иногда, мне кажется, они говорят слишком много. Но это я сама так думаю. Мадам со мной не делится.

— Вы хотите сказать, что мадам никого не посвящает в свои дела?

— Да, мосье.

— Скажите мне, ваша хозяйка сегодня в хорошем настроении?

— Она в хорошем настроении с тех самых пор, как мы сюда приехали.

— Кому знать, как не вам, Леони.

Девушка сказала уверенно:

— Да, мосье. Я знаю все настроения мадам. Она очень весела.

— Даже в торжествующем настроении?

— Вы попали в точку, мосье.

Пуаро мрачно кивнул.

— Мне с этим... довольно трудно примириться. И все же, думается, это неизбежно. Благодарю вас, мадемуазель. Это все.

Леони бросила на него кокетливый взгляд.

— Спасибо, мосье. Если я встречу мосье на лестнице, будьте уверены, не закричу.

— Дитя мое,— сказал Пуаро с достоинством,— я уже в преклонных годах. Разве мне к лицу такие легкомысленные поступки?

Но Леони, хихикнув, убежала.

Пуаро медленно зашагал по комнате. Его лицо приобрело серьезное и озабоченное выражение.

— А теперь,— сказал он наконец,— поговорим с леди Джулией. Интересно, что она скажет.

Леди Джулия вошла в комнату спокойно и уверенно. Она грациозно кивнула головой, села на стул, пододвинутый Пуаро, и заговорила тихо и сдержанно.

— Лорд Мэйфилд сказал, что вы хотели задать мне несколько вопросов.

— Да, мадам. По поводу вчерашнего вечера. Что было после того, как вы кончили играть в бридж?

— Мой муж сказал, что поздно начинать новую партию. Я пошла спать.

— А потом?

— Заснула.

— И это все?

— Да. Боюсь, что не могу сообщить вам ничего интересного. Когда произошло это...— она заколебалась,— ограбление?

— Очень скоро после того, как вы поднялись наверх.

— Понятно. А что именно было похищено?

— Некоторые секретные документы, мадам.

Она слегка нахмурилась, потом спросила:

— Они были... ценные?

— Да, мадам, они стоили больших денег.

Воцарилось молчание, затем Пуаро заговорил:

— А как насчет вашей книги, мадам?

— Моей книги? — Она удивленно вскинула брови.

— Да, насколько я понял из слов миссис Вандерлин, вскоре после того, как все леди удалились, вы спустились вниз за книгой.

— Да, разумеется.

— Так что фактически вы не сразу легли спать, когда поднялись наверх? Вы вернулись в гостиную?

— Да, верно. Я забыла.

— В то время как вы находились в гостиной, вы не слышали, никто не кричал?

— Нет... да... не думаю.

— Помилуйте, мадам, вы не могли не слышать, находясь в гостиной.

Леди Джулия откинула голову назад и твердо сказала:

— Я ничего не слышала.

Пуаро поднял брови, но промолчал.

Молчание становилось неловким. Леди Джулия неожиданно спросила:

— А какие меры принимаются?

— Какие меры? Я не понимаю вас, мадам.

— Я хочу сказать — в связи с этой кражей. Ведь полиция должна что-то предпринять.

Пуаро покачал головой.

— Полицию не вызывали. Я занимаюсь этим делом.

Она удивленно посмотрела на него. Ее подвижное худощавое лицо осунулось и стало напряженным. Глаза, темные и беспокойные, старались проникнуть за бесстрастную маску Пуаро.

В конце концов она опустила глаза, побежденная.

— Вы не можете мне сказать, какие меры принимаются?

— Я могу лишь заверить вас, мадам, что не остановлюсь ни перед чем.

— Чтобы поймать вора... Или — вернуть бумаги?

— Самое главное — это вернуть бумаги, мадам.

Ее манера изменилась. Она стала проявлять нетерпение, разговор, казалось, наскучил ей.

— Да, наверное, это главное,— сказала она безразличным голосом.

Снова наступила пауза.

— У вас есть еще вопросы, господин Пуаро?

— Нет, мадам. Не буду вас больше задерживать.

— Спасибо.

Он учтиво распахнул перед ней дверь. Она вышла, не взглянув на него.

Пуаро подошел к камину и аккуратно переставил безделушки на каминной полке. Он все еще был поглощен этим занятием, когда с террасы вошел лорд Мэйфилд.

— Ну как? — спросил он.

— По-моему, прекрасно. События разворачиваются должным образом.

Лорд Мэйфилд воскликнул удивленно:

— Вы довольны?!

— Нет, я недоволен. Но я удовлетворен.

— Право, господин Пуаро, не могу понять, что вы за человек.

— Я не такой шарлатан, как вы полагаете.

— Я никогда не говорил...

— Да, но вы думали! Неважно. Я не обижаюсь. Иногда мне приходится играть ту или иную роль.

Лорд Мэйфилд посмотрел на него с сомнением и недоверием. Он не понимал Эркюля Пуаро и склонен был презирать его, но внутренний голос говорил ему, что этот потешный человечек не так уж безобиден, как кажется.

— Ну что ж,— сказал он,— мы в ваших руках. Что вы посоветуете делать дальше?

— Не можете ли вы избавиться от ваших гостей?

— Думаю, это можно устроить... Я могу сказать, что мне необходимо поехать в Лондон в связи с этим делом. Тогда им, вероятно, придется заявить, что они тоже уезжают.

— Отлично. Постарайтесь это сделать.

Лорд Мэйфилд заколебался.

— Вы не думаете, что...

— Я совершенно уверен, что это разумный путь.

Лорд Мэйфилд пожал плечами.

— Ну что же, если вы настаиваете.

8

Гости разъехались после ленча. Миссис Вандерлин и миссис Макатта должны были ехать поездом, Каррингтоны — на своей машине. Пуаро стоял в холле, когда миссис Вандерлин самым чарующим образом прощалась с хозяином дома.

— Мне так ужасно жаль, что у вас все эти неприятности и заботы. Я от всей души надеюсь, что все уладится. Я никому ни словечка не скажу.

Она подала ему руку и направилась к «роллс-ройсу», который должен был доставить ее на станцию. Миссис Макатта уже сидела в машине. Она попрощалась коротко и сухо.

Внезапно Леони, которая усаживалась на переднее сиденье к шоферу, выскочила из машины и побежала в холл.

— Несессер мадам, его нет в машине,— бросила она на ходу.

Начались спешные поиски. Наконец лорд Мэйфилд обнаружил несессер возле старого дубового комода. Леони радостно вскрикнула, схватила элегантный несессер из зеленой кожи и поспешно выбежала с ним.

Миссис Вандерлин высунулась из автомобиля.

— Лорд Мэйфилд, лорд Мэйфилд,— позвала она и протянула ему письмо.— Вас не затруднит отправить это письмо? Если я возьму его с собой в город, я наверняка забуду опустить. Я ношу письма в сумочке по многу дней.

Сэр Джордж Каррингтон то открывал, то закрывал часы. Он был маниакально пунктуален.

— У них времени в обрез,— бормотал он,— только-только. Если они не поторопятся, опоздают на поезд...

Его жена сказала раздраженно:

— Ради бога, не суетись,

Джордж. В конце концов, это их поезд, а не наш!

Он взглянул на нее с упреком.

Наконец «роллс-ройс» тронулся.

Регги подкатил к подъезду в каррингтоновском «моррисе».

— Все готово, отец,— сказал он.

Слуги начали выносить багаж Каррингтонов.

Пуаро, выйдя из парадной двери, наблюдал за происходящим. Вдруг кто-то тронул его за руку, и он услышал взволнованный шепот леди Джулии.

— Господин Пуаро, я должна поговорить с вами немедленно.— Она привела его в маленькую гостиную и притворила дверь.

— Это правда то, что вы сказали? Найти документы — самое главное для лорда Мэйфилда?

Пуаро смотрел на нее с любопытством.

— Совершенно верно, мадам.

— Если... если бы эти бумаги были возвращены вам, могли бы вы обещать, что вернете их лорду Мэйфилду и что никто ничего не будет спрашивать?

— Боюсь, что я не совсем вас понимаю.

— Вы должны понять! Я уверена, что понимаете. Я говорю о том, что... что вор должен остаться неизвестным, если документы будут возвращены.

Пуаро спросил:

— Скоро ли это будет сделано, мадам?

— В течение двенадцати часов совершенно точно.

— Вы можете это обещать?

— А можете ли вы гарантировать, что дело не будет предано гласности?

Он ответил очень серьезно:

— Да, гарантирую.

— Тогда все можно уладить.

Она быстро вышла из комнаты. Минуту спустя Пуаро услышал шум отъезжающей машины.

Он пересек холл и направился по коридору к кабинету. Лорд Мэйфилд был там. Он поднял глаза на Пуаро.

— Что слышно?

Пуаро развел руками.

— Дело закончено, лорд Мэйфилд.

— Что?

Пуаро повторил слово в слово разговор с леди Джулией.

Лорд Мэйфилд смотрел на него с выражением полного недоумения.

— Но что это значит? Я не понимаю.

— По-моему, совершенно ясно. Леди Джулия знает, кто украл чертеж.

— Не хотите ли вы сказать, что она сама его взяла?

— Конечно, нет. Леди Джулия — азартный игрок. Но она не вор. И если она предлагает вернуть документы, это значит, что они были похищены ее мужем или сыном. Сэр Джордж Каррингтон находился на террасе с вами. Таким образом, остается сын. Я думаю, что могу восстановить события вчерашнего вечера довольно точно. Леди Джулия зашла в комнату сына и обнаружила, что она пуста. Она спустилась вниз, но не нашла его. Сегодня утром она узнаёт о краже и слышит, как ее сын заявляет, что он поднялся прямо к себе и не выходил из комнаты. Она знает, что это неправда, знает, что он слабовольный человек, что ему позарез нужны деньги. Она заметила его увлечение миссис Вандерлин. Ей все ясно. Миссис Вандерлин уговорила Регги украсть чертеж. Но леди Каррингтон не намерена сидеть сложа руки. Она возьмется за Регги, раздобудет бумаги и вернет их.

— Просто немыслимо! — воскликнул лорд Мэйфилд.

— Да, немыслимо, но леди Джулия этого не знает. Она не знает того, что знаю я, Эркюль Пуаро, а именно, что молодой Регги Каррингтон не похищал чертежа, а любезничал с горничной миссис Вандерлин.

— Полнейшая чушь!

— Вот именно!

— И дело вовсе не закончено?

— Нет, закончено. Я, Эркюль Пуаро, знаю истину. Вы мне не верите? Вы не поверили мне вчера, когда я сказал, что мне известно, где находятся документы. Но мне это было известно. Они были у нас под носом.

— Где?

— Они были в вашем кармане, милорд.

Наступило молчание. Затем лорд Мэйфилд сказал:

— Вы понимаете, что говорите, господин Пуаро?

— Да, понимаю. Понимаю, что говорю с очень умным человеком. Меня с самого начала беспокоило, что вы — явно близорукий человек — так настойчиво утверждали, что видели фигуру, выходившую из двери. Вам хотелось, чтобы приняли это объяснение — удобное объяснение. Почему? Позднее я исключил всех находившихся в доме одного за другим. Миссис Вандерлин была наверху, сэр Джордж Каррингтон прогуливался с вами по террасе. Регги Каррингтон любезничал с горничной на лестнице, миссис Макатта безусловно спала. (Ее комната рядом с комнатой экономки, и она храпит!) Правда, леди Джулия находилась в гостиной, но леди Джулия считает виновным своего сына. Так что оставались только две возможности. Либо Карлайл положил документы не на стол, а к себе в карман (а это неразумно, потому что, как вы сказали, ему проще было снять с них копию), либо... либо они находились там, когда вы подошли к письменному столу, и единственное, куда могли попасть,— это в ваш карман. В таком случае все становилось понятным. Ваше утверждение, что вы видели фигуру, ваши настойчивые заявления насчет невиновности Карлайла, ваше нежелание пригласить меня.

Одно меня смущало — мотив. Вы честный человек, я в этом убежден. Доказательством служит то, что вы не хотели, чтобы заподозрили невиновного. Столь же очевидно, что исчезновение бумаг может неблагоприятно отразиться на вашей карьере. К чему в таком случае эта совершенно неразумная кража? Наконец я понял, в чем дело. Кризис в вашей карьере несколько лет тому назад, заявление премьер-министра перед всем миром, что вы не вели никаких переговоров с определенной страной. Предположим, что это не совсем так, что остался какой-нибудь документ, скажем, письмо, доказывающее, что в действительности вы повинны в том, что было публично опровергнуто. Такое опровержение было необходимо в интересах государственной политики. Но сомнительно, чтобы рядовые граждане отнеслись к этому благосклонно. И следовательно, в момент, когда вас облекли бы высшей властью, нелепый отголосок прошлого мог все погубить.

Я подозреваю, что это письмо сохранилось в руках некоего правительства, что это правительство предложило вам вернуть письмо в обмен на чертежи некоторых узлов нового бомбардировщика. Многие на вашем месте отказались бы. Вы — нет! Вы согласились. Миссис Вандерлин была агентом, приехавшим сюда, чтобы произвести этот обмен. Вы выдали себя, когда признали, что не разработали конкретного плана поймать ее с поличным. В свете этого признания ваше объяснение насчет того, с какой целью вы пригласили эту даму, выглядело весьма неубедительно.

Вы инсценировали кражу. Сделали вид, что видели вора на террасе, сняв таким образом подозрение с Карлайла. Даже если бы он не выходил из комнаты, письменный стол стоит настолько близко к окну, что вор мог схватить чертеж, пока Карлайл возился у сейфа спиной к столу. Вы взяли документы и держали их в своем кармане, пока согласно заранее разработанному плану не сунули их в несессер миссис Вандерлин. В обмен она передала вам роковое письмо под видом своего письма, которое просила вас отправить.

Пуаро замолчал.

— Вам известно все до мельчайших подробностей, господин Пуаро. Вы, наверное, считаете меня законченным подлецом.

Пуаро мотнул головой.

— Нет, нет, лорд Мэйфилд. Я считаю вас, как уже говорил, очень умным человеком. Меня внезапно осенило, когда мы разговаривали здесь сегодня ночью. Вы первоклассный инженер. Я думаю, что в спецификацию бомбардировщика внесены кое-какие незначительные изменения, сделанные настолько ловко, что будет трудно понять, почему самолет не имеет такого успеха, какой ожидали. Определенное иностранное правительство сочтет, что просто неудачен проект... Оно будет разочаровано, я уверен...

Снова наступило молчание. Затем лорд Мэйфилд сказал:

— Вы слишком умны, господин Пуаро. Да, я спас себя от катастрофы при помощи хитрого трюка, разом убив двух зайцев.

— Милорд,— сказал Пуаро,— если бы вы не умели разом убивать двух зайцев, вы не были бы политиком!

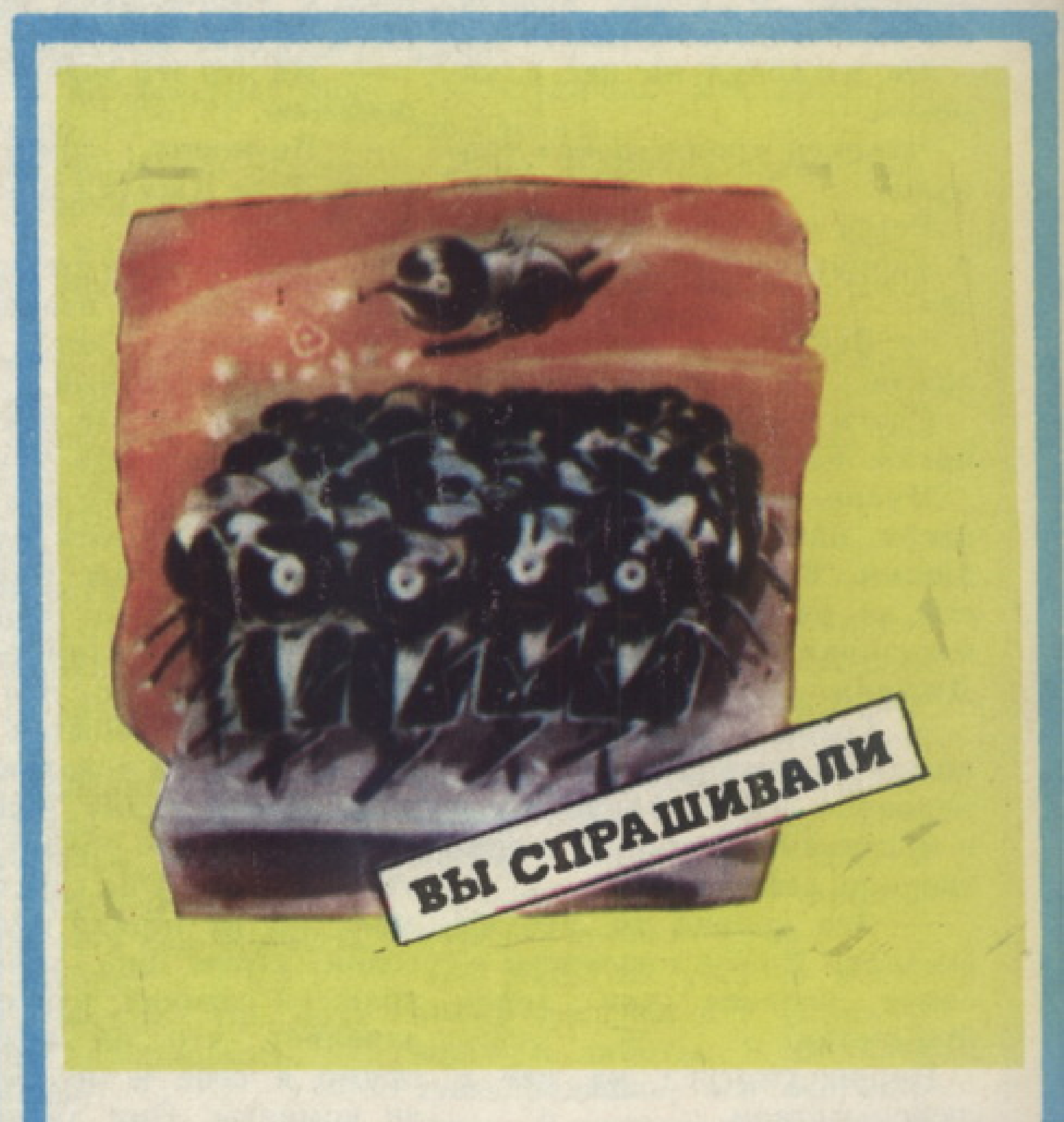
Перевела с английского
Н. ЛОСЕВА

ЕЩЕ РАЗ «ПРО ЛЮБОВЬ»! Для начала сценаристы решили проверить: а похожи ли? Поэтому Ким Миори и Марк Макгэнн вышли на улицы Нью-Йорка. Прохожие шарахались: Миори и Макгэнн похожи на Йоко Оно и Джона Леннона, которых они будут играть в телесериале «Представьте: Джон и Йоко». Джон Леннон, как известно, терпеть не мог телесериалов и «мыльных опер», так что можно представить, как он отнесся бы к подобному проекту. Маленькая деталь: сначала выбрали актера Марка Линдсея, но потом усомнились — оказалось, что его настоящее имя Марк Чэпмен (так звали убийцу Леннона). В остальном предприятие представляется безупречным: кому же не интересно «про любовь», да еще с убийством!

ГОВОРИЛА ИМ ГОРИЛЛА... «Нож приличествует держать в правой руке»,— сказала мисс Пэттерсон. «Неприлично делать замечания,— «буркнула» Коко.— Культурный человек не замечает промахов!» Такой диалог между гориллой и человеком вполне мог состояться. Приучить наших родственников из джунглей есть ножом и вилкой, ходить в одежде, смотреть телевизор, короче, пользоваться плодами цивилизации — дело несложное. Но вот научить (на свою голову) говорить по-человечески? Франсин Пэттерсон, психолог из Калифорнии, обучает гориллу Коко языку глухонемых. Прилежная ученица освоила уже 600 понятий. Обретя дар речи, Коко с удовольствием болтает с Франсин и никогда не отказывает журналистам. На вопрос, кем она себя считает, Коко ответила однозначно: ей предложили рассортировать фотографии людей, животных, предметов, обезьян разных видов (среди них и портрет самой Коко), и она, подумав, отнесла себя к венцу творения.

Как вы все знаете, грампластинки делают из синтетических материалов. Поэтому термины «золотой диск» и «платиновый диск» никто, разумеется, не понимает буквально, хотя в редакцию и приходит много писем с просьбой объяснить, что же все-таки это значит.

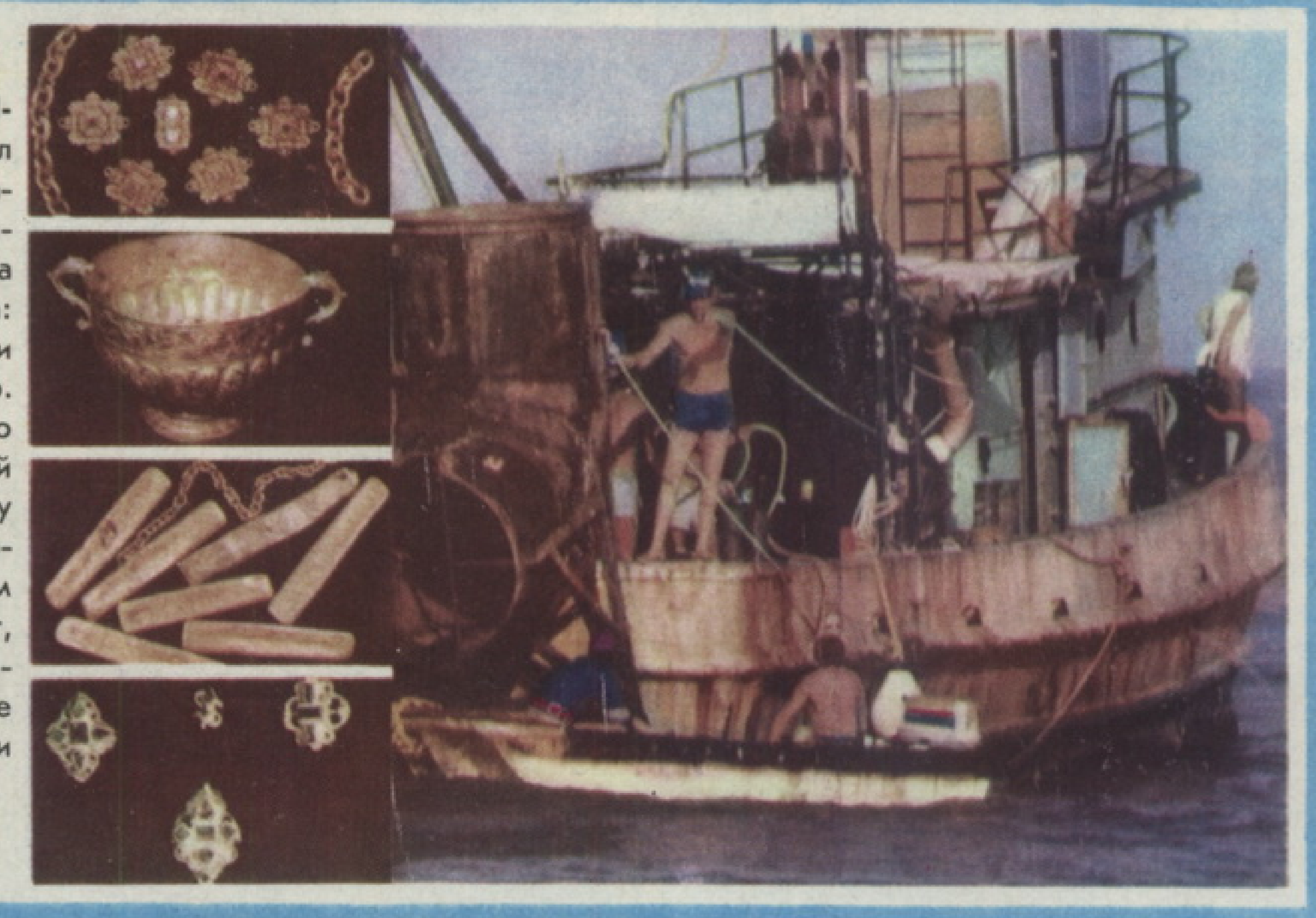
«Золотым» диск называют, если удалось продать определенное количество его экземпляров. В разных странах в зависимости от возможностей рынка этот рубеж колеблется. В США, например, он составляет 500 тысяч штук, в Великобритании — 100 тысяч. Диск, разошедшийся тиражом вдвое больше «золотого», становится «платиновым».

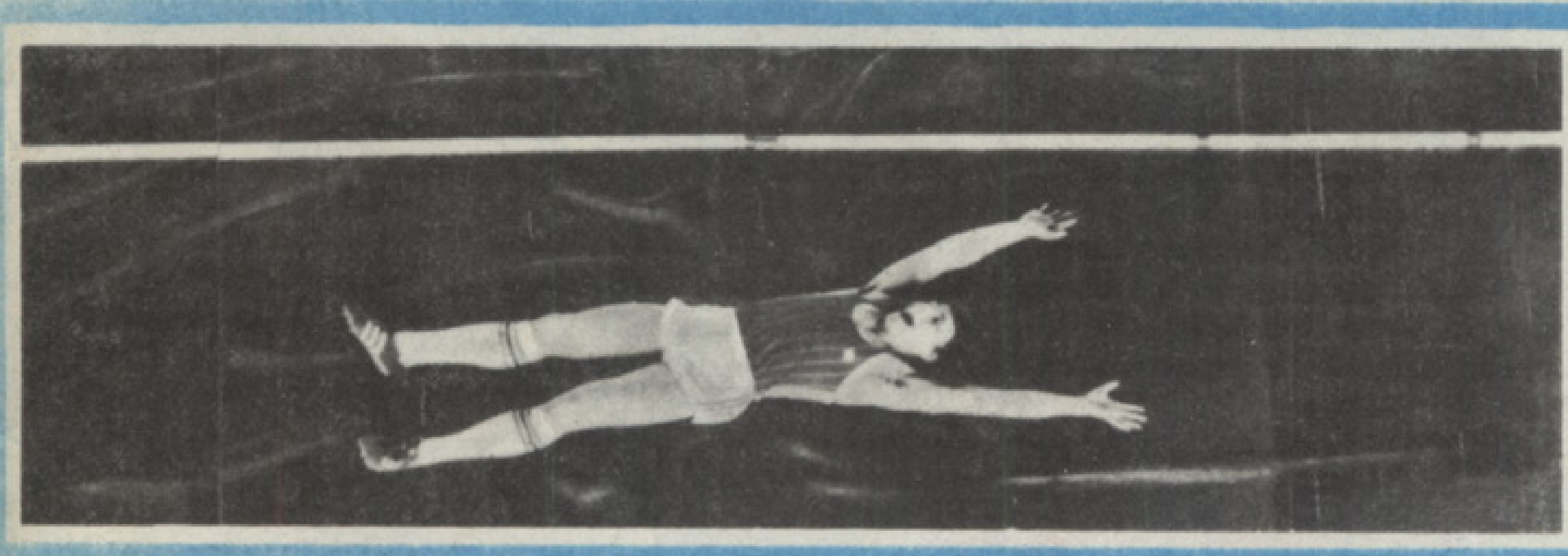
Согласитесь, что вряд ли такая система дает правильное представление о реальной популярности той или иной пластинки — только если популярность понимать в смысле «продаваемость». Ведь ради достижения заветного рубежа фирмы грамзаписи, прибыль которых находится в прямой зависимости от спроса на работающих с ними исполнителей, пускаются во все тяжкие — от самой изощренной рекламы до самого заурядного, но виртуозно поставленного искусственного проталкивания «своих людей» в таблицах популярности. Тут уже срабатывает обратная связь: сбитый с толку рекламной шумихой потребитель, не решивший, какую именно пластинку выбрать, вероятно, остановится на той, которая уже дает магический «золотой отблеск», что как бы является гарантией ее достоинств. То, что музыка может разочаровать и деньги таким образом окажутся выброшенными на ветер, фирму не волнует — еще один простак сделал пластинку на шаг ближе к «платине».

Недавно мне попалось высказывание американского музыкального критика: «Не уверен, что все, кто купил пластинку Майкла Джексона «Триллер», в восторге от нее. Более того, уверен в обратном. Но это уже эмоции, до которых никому нет дела. А факт остается фактом: «Триллер» на сегодня самая продаваемая пластинка за всю историю поп-музыки».

Л. БОРИСОВ

«НЕ ВОЛНУЙТЕСЬ, СЕГОДНЯ МЫ ЕГО НАЙДЕМ»,— говорил каждое утро американец Мел Фишер, известный охотник за сокровищами затонувших кораблей, своей команде, объединенной им в фирму «Мел Фишер Сокровища инкорпорейтед». Команда ныряла, но роптала: она слышала эту фразу в течение семнадцати лет. Нет, что скрывать, находили, но все не то. Не было желанного: легендарного испанского галеона «Нуэстра сеньора де Аточа», который затонул три с половиной века назад где-то у берегов Флориды, груженный серебром и золотом. И вот прошлым летом в Атлантическом океане, сорока милями западнее мыса Ки Уэст, вынырнул один из сотрудников Фишера и удивленно сказал: «Кажется, это здесь! Там на дне слипшиеся серебряные бруски, а между ними живут лангусты».

«СЛЕДУЮЩЕЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЕ» — так назвали журналисты этот прыжок Сергея Бубки. «Но я недоволен: технически он был выполнен не лучшим образом»,— скажет потом спортсмен. А тогда, сразу же после прыжка, он сам удивлялся: возможно ли такое? Возможно — подтвердили застывшая на шестиметровой высоте планка и фоторепортеры всего мира, запечатлевшие рекорда миг (этот снимок мы взяли из швейцарского журнала «Швайцер иллюстриртe»). Сергей собирается взлететь еще выше — на 6.30...

ПО СРАВНЕНИЮ С 1717-М... Рут Лоренс стала самой молодой выпускницей Оксфорда за всю многовековую историю этого университета: в тринадцать лет она защитила диплом по математическому обеспечению ЭВМ. Правда, возраст пока не дает ей права работать по специальности. Поэтому родители, которые обучали дочь по индивидуальной программе, и преподаватели университета, которые замучились, обучая Рут, настолько она опережала своих «взрослых» сокурсников, решили: пусть остается в Оксфорде. К шестнадцати годам получит степень доктора наук и будет самым молодым профессором в истории Великобритании, опередив некоего Колина Маклорина, который стал профессором в 19 лет. А было это в 1717 году.

ОТ «О» ДО «Z». У нас ее зовут Элли, у американцев — Дороти, но какая разница? И у нас и у них есть Страшила, Железный Дровосек, Трусливый Лев. У нас — «Волшебник Изумрудного города» (так назвал сказку, написанную по мотивам американской, Александр Волков). У американцев — «Волшебник страны Оз» (так назвал свою сказку Фрэнк Баум). Баум создал Волшебную страну в 1900 году (название для нее он взял с картотечного ящика: от «О» до «Z», последней буквы английского алфавита) и за двадцать лет написал по просьбам детей одиннадцать продолжений. После его смерти авторы в разных странах мира написали еще двадцать шесть книг про Волшебную страну, а на киностудиях снимали по ним фильмы. Вы видите кадр из самого нового: Волшебная страна, где все не так-то просто, но дружба побеждает. Всегда.

ЕЖЕГОДНО В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ ПЕРЕВОДИТСЯ ДВЕ ТЫСЯЧИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЗАРУБЕЖНЫХ АВТОРОВ

Из новинок, которые предложат в 1986 году центральные издательства, как нам показалось, вас, читатели «Ровесника», могут заинтересовать прежде всего, естественно, те, которые знакомят со сверстниками.

В издательстве «Молодая гвардия» выйдет сборник рассказов писателей Дании, Норвегии, Швеции «В лучах завтрашнего дня» — о проблемах молодежи, и книга американского писателя Г. Уэббера «Гостиница «Большой бизон», где от имени преподавателя колледжа не без иронии повествуется о попытках привить студентам самостоятельность в суждениях о жизни. Современной английской молодежи посвящена книга Б. Хайнса «Сокол. Взгляды и улыбки», которую готовит издательство «Радуга».

Издательство «Мир», помимо популярной серии «Зарубежная фантастика», куда в этом году войдут книга английского фантаста Кристофера Приста «Опрокинутый мир» и сборник западногерманского писателя Герберта Франке «Ипсилон минус», предлагает серьезную работу болгарского популяризатора науки В. Чолакова об открытиях, удостоенных Нобелевской премии. Она так и называется «Нобелевские премии». Не менее серьезной, поскольку она посвящена в общем-то научному жанру художественной литературы, нам кажется книга Дж. Уайтхеда «Серьезные забавы: искусство литературной мистификации». Отдельная глава в ней посвящена С. Айрленду, загадочному подделывателю пьес Шекспира. Надеемся также, что вас заинтересует переведенная с английского книга М. Стоппарда «Бросим курить». Она предназначена для тех, кто уже забросил попытки избавиться от этой дурной привычки и не знает, что делать дальше.

На наш взгляд, одна из серьезнейших проблем в любом возрасте — проблема общения. О психологических возможностях улучшения взаимоотношений людей рассказывает известный польский психолог Е. Мелибруда в книге «Я — ты — мы». Признаться, мы тоже с нетерпением ждем появления ее в издательстве «Прогресс».

Расследование обстоятельств убийства в Вашингтоне чилийского патриота и государственного деятеля Орландо Летельера легло в основу книги американских публицистов Бранча и Проппера. Книга называется «Лабиринт». О лабиринтах власти, таких, какими они остались и по сей день, пишет американский публицист Гор Видал в книге «1876: Роман» — это вторая часть трилогии, в ней автор повествует о президентских выборах 1876 года. Первая часть, «Вице-президент Бэрр», вышла на русском языке в 1977 году.

Мало кто знает, что Германн Мелвилл и Джек Лондон считали своим учителем американского писателя-путешественника Ричарда Г. Дана. Его книга «Два года на палубе», написанная в XIX веке, доселе остается шедевром американской маринистики. Ее также издаст «Прогресс».

Для любителей этого жанра литературы, наверное, будет интересно прочесть книгу, посвященную одной из самых колоритных фигур английского Возрождения — мореплавателю, поэту, драматургу Уолтеру Рэли. Она называется «Странствие «Судьбы» , автор Р. Най, издательство «Радуга».

Болгарин Богомил Райнов, известный как автор остросюжетных романов, издаст на русском языке отнюдь не детективную книгу «Волшебный фонарь». Это серьезное, вдумчивое исследование современного зарубежного искусства.

Книга Джоан Хары «Виктор — прерванная песня» («Ровесник» печатал ее в 1984 году) — о большой любви двух талантливых людей, о радостных и скорбных событиях, пережитых Чили,— выйдет в «Радуге».

«Военные записки 1939—1944 гг.» Антуана де Сент-Экзюпери — еще одна книга, которая выйдет в «Прогрессе» и с которой читатель «Ровесника» уже мог частично познакомиться. Прочтя ее, вы убедитесь, как созвучны мысли этого писателя проблемам наших дней. И снова напоминаем:

ЕЖЕГОДНО В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ ПЕРЕВОДИТСЯ ДВЕ ТЫСЯЧИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЗАРУБЕЖНЫХ АВТОРОВ

Главный редактор А. А. НОДИЯ

Редакционная коллегия: В. А. АКСЕНОВ, В. Л. АРТЕМОВ, Я. Л. БОРОВОЙ, С. М. ГОЛЯКОВ, А. С. ГРАЧЕВ, С. А. КАВТАРАДЗЕ, В. Б. МИЛЮТЕНКО, В. П. МОШНЯГА, Д. М. ПРОШУНИНА (зам. главного редактора), Н. Н. РУДНИЦКАЯ, Э. М. САГАЛАЕВ, В. Г. СИМОНОВ.

Художественный редактор В. В. Рыжов
Оформление И. М. Неждановой
Технический редактор Т. П. Максимова

Адрес редакции: 125015, Москва, ГСП, Новодмитровская ул., 5а. Телефон 285-89-20. Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на ежемесячник.

Сдано в набор 27.09.85. Подп. к печ. 13.11.85. А13721. Формат $84 \times 108^{1}/_{16}$. Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,36. Усл. кр.-отт. 13,4. Уч.-изд. л. 5,5. Тираж 1 250 000 экз. Цена 35 коп. Заказ 1944.

Издательство и типография «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21

Индекс 70781
Цена 35 коп.